

ОГОНЁК

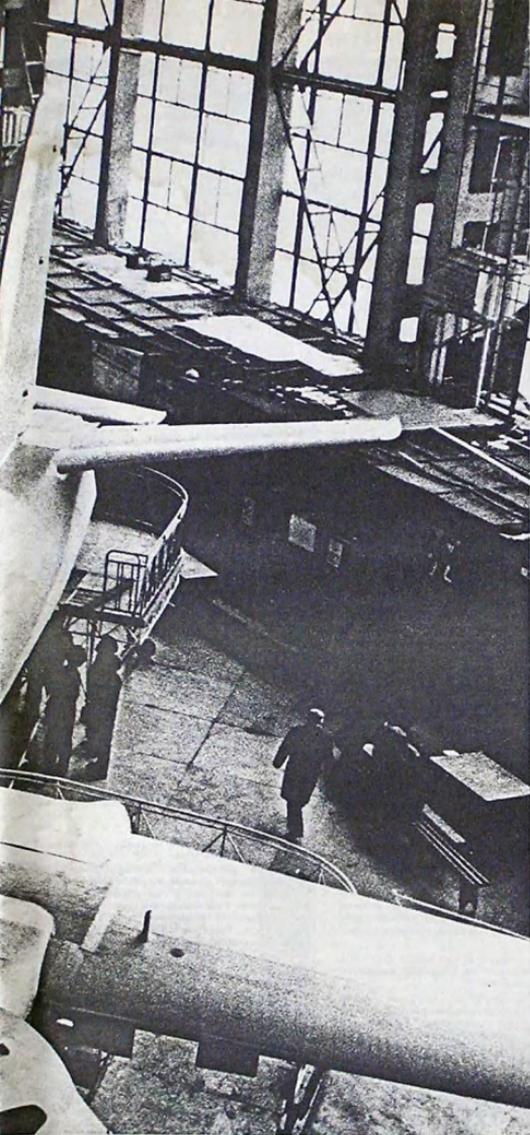
ИЗДАТЕЛЬСТВО
"ПРАВДА", МОСКВА

№ 16 АПРЕЛЬ 1980

ПО КРЫЛАТОМУ ГР

С. КАЛИНИЧЕВ
Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

Ритмично работают в завершающем году пятилетки киевские самолетостроители. Четкий, заверенный график — вот высший закон производства.

Это чувствуешь, едва переступишь порог проходной. Огромная территория завода, застроенная высокими, сверкающими корпусами, необычайно чиста. Мы идем по центральной аллее с заместителем начальника сборочного цеха Ю. В. Недашковским. Показался автобус, в котором десяток два пассажиров.

— Делегация? — спросил я.

— Нет, рейсовые. Мы подсчитали, что наши рабочие, инженеры, служащие теряют много времени на то, чтобы пройти из цеха в цех, в столовую и т. д. Пустили рейсовые автобусы, продумали маршруты и графики движения. Все затраты с лихвой окупаются.

Когда подошли к многоэтажному зданию, мой спутник сказал:

— Это вычислительный центр.

— Я слышал, у вас автоматизированная система управления производством?

— Да. Вычислительный центр занимается многими делами: от бухгалтерских операций до разработки оснастки и планирования загрузки оборудования.

Заходим в корпус сборочных цехов. Это своего рода крытый стадион, где на десятках ступеней, похожих на скелеты гигантских ископаемых рыб, рождаются фюзеляжи будущих Ансов. И по мере того, как мы идем вдоль их строя, еще не окрашенных, просторечным пунктиром заплывов и точечной сварки, эти зеленые сигары обрастают плоскостями хвостового оперения, иллюминаторами...

Бригада Виктора Мартыненко устанавливает на воздушный корабль, как поется в песне, «пламенный мотор». Отлично работает Олег Соловьев, Леонид Марченко, Алексей Сергиенко. Это дружный, хорошо слаженный кол-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

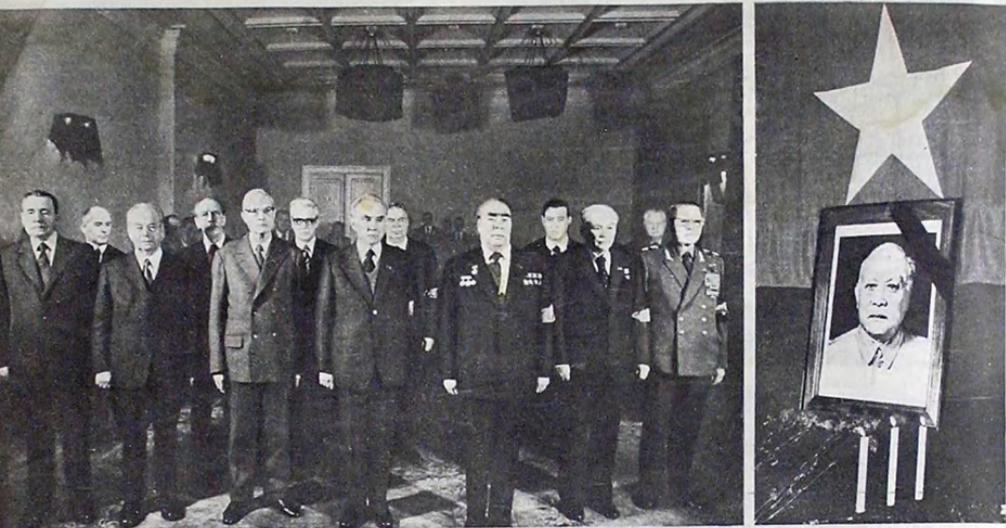
© Издательство «Правда», 1980

№ 16 (2753)

12 АПРЕЛЯ 1980

© Издательство «Правда», «Огонек», 1980

АФИКУ ПЯТИЛЕТКИ

Советские руководители в посольство Социалистической Республики Вьетнам.

Фото В. Мусальфина и Э. Песова [ТАСС]

ПОСЕЩЕНИЕ ПОСОЛЬСТВА

лекция, где все понимают друг друга с полуслова. Я даже удивился, узнав, что в огромном цехе только одна зата что бригада занимается монтажом двигателей и что в ней всего четыре человека.

— У нас единый народ,— рассказывает Виктор Мартыненко,— но, кроме того, мы сами планируем работу. Все самолеты имеют жесткий график сборки. Но мы, выходя на смену, сами решаем, какой сегодня наш. Естественно, учитываем и график, и производственную ситуацию, и свои возможности: слушается, что кто-то заболел или в отпуск уйдет. Но точно в намеченный срок самолет обязательно поднимется в небо.

Сам бригадир, хоть и выглядит довольно молодо, вот уже двадцать лет работает в этом цехе. Он отличник качества, а завоевать такое звание в цехе, где безукоризненное выполнение любой операции — норма, не так просто.

Рядом с В. Мартыненко работает бригада А. Я. Кожаного. Он ветеран завода, сразу после войны собрал здесь первые Ан-2. А вообще строит самолеты уже более сорока лет. Делал стремительные МиГи, грозные Ил-2, которые прямо из цеха уходили на фронт. А осенью 1942 года, в самые тяжелые дни фашистского наступления, Алексей Яковлевич попросился на передовую. И прошел с боями от Старой Руссы до Вены.

2 апреля товарищи Л. И. Брешнев, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, А. Я. Пельше, М. А. Суслев, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, М. С. Горбачев, П. Н. Демичев, И. В. Каминтов, В. И. Долгих посетили посольство СРВ в СССР в связи с кончиной Президента СРВ Тон Дык Тханга.

Минутой молчания они почтили память верного сына вьетнамского народа, боевого соратника Хо Ши Мина, последовательного интернационалиста, большого друга Советского Союза, неутомимого борца за дело мира и социализма, и расписались в траурной книге соболезнований.

— У нас в бригаде,— рассказывает он,— полная взаимозаменяемость.

Бригада А. Я. Кожаного, образно говоря, ставит самолеты на ноги, то есть монтирует шасси и устанавливает их. Вот уже больше пятнадцати лет ОТК не проверяет его работу. Алексей Яковлевич имеет свое личное клеймо. Он один из лучших наставников молодежи.

В цеховой конторке у нас шел разговор о культуре производства, трудовой дисциплине, подготовке кадров.

— Чтобы обеспечить четкий ритм такого сложного производства,— говорит Ю. В. Недвижковский,— надо постоянно работать с людьми. Завод имеет вечернюю школу, авиационную техникум, прекрасный Дворец культуры. Воспитанием людей занимается все: партом, дирекция, профсоюз и прежде всего сам коллектив, наши лучшие рабочие. Вы заметили, и нас нигде лишней железки не валяется, окурка не увидишь.

— Мы считаем очень своевременным принятое недавно постановление об укреплении трудовой дисциплины,— вступает в разговор председатель цехового комитета профсоюза, электромонтажник Б. Н. Позилы,— такие вопросы надо решать, как говорится, всем миром. Любое нарушение дисциплины обсуждается на общем собрании участка или цеха. У нас редко бывает, чтобы кого-то вызывали

«на ковер» дважды. Что ни говори, такой урок долго помнится.

Высокая дисциплина, четкая организация труда помогают самолетостроителям из месяца в месяц, из года в год добиваться отличных успехов. Прошлогодний план по реализации продукции коллектива завода выполнил 26 декабря. Только в одном этом сборочном цехе 53 человека закончили свои личные пятилетние задания за четыре года. К 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина свое пятилетие здесь выполнят не менее ста человек.

На обратном пути из цеха, проводя глазами обогнавший нас автобус, я сказал Ю. В. Недвижковскому:

— Огнет райсовый...

— Нет,— ответил он.— На этот раз поехала делегация. Иностранцы. Прибыли принимать очередную машину. Последнее время у нас особенно много заказов от иностранных компаний. Это временно связано с энергетическим кризисом, разрастающимся на Западе. Наша машина взлетает со всех грунтовых аэродромов и оседает на много меньше топлива, чем другие модели этого класса.

Мощный тягач вез на лето-испытательную станцию очередной самолет. Сегодня еще один серебристый Ан впервые поднимется в небо.

Киев.

Репортаж с открытого партийного собрания в подмосковном госплемзаводе «Заря коммунизма». В повестке дня — «Жить, работать и бороться по-ленински, по-коммунистически».

— Трудиться надо так, как сегодня сказал нам Ленин...

Нет, ораторы не оговорились. Бригадир монтажников Ф. Л. Мшвельдзе даже постарался интонационно подчеркнуть слово сегодня, вызвав тул одобрения товарищей. Они его правильно поняли. Два часа назад, когда в атмосфере волнующей приподнятости открывалось это собрание, в притихшем зале раздался голос Владимира Ильича. Люди поднялись с мест, чтобы стоя слушать записанную на граммофонную пластинку речь В. И. Ленина «О трудовом дисциплине». «Как жить с ждыми говоря», призывал Ильич: «Да здравствует трудовая дисциплина, равные в труде, преданность рабочему и крестьянскому делу!». И на ленинский этот призыв, донесшийся сюда сквозь шесть десятилетий, уверенно отвечали сегодня хозяева земли подмосковной: «Вот так, по-ленински, трудиться мы!».

Ем не занимать равнина в труде. Оно — и в овладении передовой агротехники и в совершенствовании организации труда. Не забота о равнине и в воспитании людей, в воспитании того всепобеждающего чувства, к которому призывал Владимир Ильич, — преданности рабочему и крестьянскому делу. Об этом они и говорили на собрании, обсуждая доклад секретаря Домодедовского горкома партии В. Г. Раткина.

Молодому хозяину — ему только 20 лет — многое было дано государством. Это в немалой мере и определило взятый и начисто осуществляемый курс на высокие стандарты продуктивности и урожайности, на устойчивые урожаи всех культур вопреки каверзам природы. Ордена Ленина Госплемзавод стал флагманом молочного животноводства. И, как полагают флагману, он удостоился переходящего Красного знамени ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ за победу во Всесоюзном социалистическом соревновании по итогам работы в 1979 году.

Было интересно слушать, сколь девotionalно, без похвалы, но с достоинством, с трезвой оценкой свершенного и с ленинской неприимностью к упущениям, следуя совету Владимира Ильича «смотреть правде прямо в лицо», люди держали отчет: «Что я сделал для общего блага?»

Первым поднялся на трибуну Никол Пётрович Миронов, ветеран партии, труда, войны, секретарь парторганизации отделения, бесценный пропагандист, один из самых уважаемых людей. Удивительно точно сформулировал он тот душевный настрой, с которым шли сюда люди. — Убежден, что не только я, но и все зрители, готовясь и собираясь, держали отчет перед партией, перед своей совестью, по Ленину сверяли свои дела и поступки.

И вот он с удовлетворением докладывает, что показывая «жизнь» Миронов помнит, с чем на свете выживали. Прimitivesкие скотные дворы. О механизации и не мечтали. 1700 многогранной молока от коровы считалось за благо. А зерновых собирали по 7—8

Секретарь МК КПСС В. М. Борисенков вручает почетные Ленинские грамоты.

ОТЧЕТ ПЕРЕД СОВЕСТЬЮ

Идет открытое партийное собрание.

**ЖИТЬ, РАБОТАТЬ
И БОРЬБЫ
ПО-ЛЕНИНСКИ,
ПО-KOMМУНИСТИЧЕСКИ**

центнеров. Соответственно — и оплата труда. Рабочих поворачивают из соседних деревень. Поработает недолго, и след его пропадет. Так было. Но что сомневаться — поднимется ли на гору Подлинис Подлинис, по дороге, укладной партнер, решившими ее съездом, пленумом ЦК КПСС. Теперь ему приятно оглуниться с горы, Мериулу Петровичу.

— За последние четыре года урожаи в среднем составили у нас около сорока шести центнеров. Надолго молока — более пяти тысяч килограммов. Но даже Ленинского юбилея наша ферма, где я работаю бригадиром и урожаю прошлого года, в сто двадцать килограммов молока. На примере нашего хозяйства видно, как партия целеустремленно осуществляет ленинскую аграрную политику, претворяет в жизнь заветы Ильича о сближении границ между городом и деревней. Наше высокоэффективное хозяйство по переводу на промышленную основу. Мы делом доказали, что дает работа с орошаемыми культурными пастбищами, организация труда по швейнскому методу. Глубоко символично само название нашего хозяйства — «Заря коммунизма».

Отблеск этой зарю приметны тут каждому. И этот аграрный, и Дом культуры на главной площади центральной усадьбы, и многоэтажные жилые дома — практичные надела семья имеют отдельную квартиру со всеми удобствами. Школа, детские сады, поликлиника, торговый центр, служба быта...

И тем не менее еще не все так ладно, как хотелось бы ветерану. Тревожит его, что не всегда всесторонне оценивают результаты труда, поведение людей. И тут уж разговору переходит «на личности». Называют фамилии тех, кто недостойно ведет себя. Страдают от них и дело, и семья, и, что особенно беспокоит коммунист-пропагандиста, на молодом, они не лучшим образом влияют.

Почти никто из выступавших не обходил острые углы — проблемы, еще не решенные, высоты, еще не взятые. Об этом говорил и докладчик В. Г. Раткин («Несколько снижались культура земледелия; высокая селекционная продукция; тревожат пестрота урожайности, текучесть кадров») и директор племзавода Г. М. Никифоров («От каждой сотни коров получено только семидесят семь телат. Мало! Невысоко еще качество коров») и мастер машинного доения Р. М. Вьюкская,

Чимкентская область. Сев в разгаре.

СВЕТЯСЬ С ЗЕМ

Когда читатель увидит эти фотографии, сев в колхозе «Победа» Чимкентской области будет завершен, но бригадир Абдурахман Бердыев без дела не останется. Сев закончится и во всей Чимкентской области, и в соседней Джамбулской, и в части Алма-Атинской, распространяясь постепенно все дальше и севернее Казахстана, на целинные земли. Там основная жатница республике, но и юг имеет свое дело в прошлогодичной миллиарда. Вряд ли можно говорить, что хлебороб, выходя в поле последние агрегаты, мечтает о высоком урожае. Однако природе нет дела до его мыслей, и каждый год выступает она в единорожество с разумом и умением человека.

Весна на юге нынче выдалась затянута. То снег, то дожди долго не давали начать сев. А время шло. Земля забла, и солнце не спешило ее согреть. Вот оно и наступило, первое испытание земледельца.

— Испытание севом. Бросить семена в холодную почву — ничего не получится. Ожидается посевы — тоже проважидеши. Да же заветная золотая середина! Агрономы, рассудив о запасах влаги, любуя светом в сером небе и понимали, что природа отпустит этой весной для сева дни три, четыре — не больше. Потом сразу придет жара. Ансаны выходяи в поле, мгли в пальцах новья почва и тоже хмурились — раво!

Бригадир Абдурахман Бердыев вспоинал, да с 1938 года) в эту пору во колхозе появились, и начална сомневаться сам в себе: удастся ли выполнить взятые обязательства? И не усталая напоминать трактористам, сельщицам, чтобы техника была готова в любой момент. И не усталая «советоваться с землей», как он говорил. Советовался он так: уходя от дороги в поле на сотню примерно метров и, не останавливаясь, возвращаясь обратно. Тут сначала густая новья земля с подорож и молча уездала. Молчала — значит, и говорить нечего, сеять рано. Но вот однажды он, возвратив с поля, задумчиво посмотрел на свои ботинки с едва налипшими крупинками почвы

и решительно произнес: «Начинаем завтра». Агрономы обычно с ним соглашались. Вот и этому «завтра» и в подоспел.

...Мы ехали и Ближний горе, где селили уныл воево. Вдали прыгала по камням горная речка Ансу, по сторонам зеленели олимпийские, обильные дороги густо усеяны крупными подснежниками. Красиво, — сказал я.

...Пора тюльпанов наступать, а эти все не уходят! — с неудовольствием отозвался секретарь парткома Тадримнат Рахатов. И добавил: — Вот же красоти!

Я устал на слоне горы трактора. Их было много, и шли они по большому полю, то скрывались из виду, то вновь появлялись. Постепенно и разобрался, что к чему. Ближе и центу все сужающимися концентрическими кругами ходили женщины «Кировцы», которые вели предпосевную обработку почвы. За ними, словно в погоне, устремлялись шесть сеялок. Зерка падали в нагретую влажную землю, как в мольбел. Теперь мать-земля будет их баночать, питать своими соками. На краю поля стояли еще шесть сеялок, без тракторов. Я спросил: «Зачем они?»

наставница молодежи, кавалер орденов Ленина и Трудового Красного Знамени (в нынешнем году мы на своей ферме допустили небольшое снижение продуктивности коров по сравнению с прошлыми годами. Есть еще неиспользованные резервы).

Резервы... Их тут ищут не только в технико-экономическом потенциале, но и в духовном, нравственном, в искусстве формирования личности, увлекая ее интересами общего дела. Вот, например, коммунистическая бригада монтажников, возглавляемая бригадиром Ф. Мисеидице. Девица ее — Ленинский завет: один за всех, все за одного! Трудовая по-забонски, по единому наряду. В совет бригады поступает вся сумма заработанных денег. И распределяет он ее в зависимости от КТУ — эффективности трудового участия. Легко представить, какие сложные психологические, морально-этические коллизии тут возникают и какое знание людей требуется от бригадира. И как ему порой трудно бывает — кто-то выпяки и не вышел на работу, а кто-то обиделся на несправедливое решение и ушел. Тут же тему «вместе, сообща добьются за укрепления трудовой дисциплины, соблюдение коллективных. Но не всегда в бригадах молодежи проходит гладко. Нам, на-

ставницам, приходится провалить много такта, терпелив. Но все затраты энергии на такое дело окупаются с лихвой». Тут Васильева и выдир резковы.

Они, эти резервы, и в идейно-политическом и в нравственном воспитании людей. О том и вадет речь старший зоотехник, заместитель секретаря парткома В. Я. Зайцева. Она тоже отчет держит — что сделано для выполнения постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы». И приводит убедительный пример: в прошлом году слушатели кружка экономический знаний подари более 20 рационализаторских предложений. Внедрение их дало экономический эффект почти в 50 тысяч рублей.

На собрании выступил член ЦК КПСС, заведующий Отделом пропаганды ЦК КПСС Е. М. Тажелъников.

Кандидат в члены ЦК КПСС, секретарь МК КПСС В. М. Боринский вручил почетные Ленинские грамоты наиболее отличившимся в предвыборной кампании, тем, кто уже выполнил личные пятилетние задания.

Правоведомыме. Зеневская Е. В. Всплывает, мастер машинного доения Р. М. Васильева, механикатор В. П. Серегин, секретарь М. Ф. Львов, секретарь парткома А. М. Бушунова, доярка Н. Е. Толкачева и механикатор В. А. Пинков.

США — КУРСОМ АГРЕССИИ

Юрий КОРНИЛОВ

Персидский залив, Ормузский пролив... Эти географические названия не сходят в последнее время со страниц мировой прессы. Сообщения, поступающие из данного региона, все чаще напоминают сводки с театра военных действий. В Персидском заливе сконцентрирована и продолжает наращиваться огромная армия военных кораблей США. Подготовку приступил и разработку деталей плана мирной войны залив. Пентагонские стратеги не исключают возможность использования в зоне залива тактического ядерного оружия...

Попытки США превратить Ближний и Средний Восток в зону американского господства — курс не новый, он возник не сегодня и не вчера. Хорошо известны и подоплека этого курса: зона Персидского залива — величайшая «нефтяная кладовая» земли, здесь сосредоточено более 46 процентов всех разведанных в несоциалистическом мире запасов «черного золота», расположенные в этом регионе государства поставляют свыше 60 процентов всей импортируемой Западом нефти. Ормузский пролив — важнейшая артерия, питающая жизненным топливом экономику США и многих других западных стран: за год танкеры вывозят через эти «ворота» в Индийский океан миллиард тонн нефти! Запас нефти — вот что издавна влекло и влечет сейчас к странам Ближнего и Среднего Востока империалистических держав.

Но, хотя нынешние империалистические действия США в зоне Персидского залива — продолжение их прежнего империалистического курса, сегодня, когда Вашингтон, охваченный безудержным гегемонистским амбициями, пытается извести методы работы и ритм закона в международной политике, эти действия приобрели такие масштабы и столь наглый интервенционистский характер, что есть все основания говорить об открытой агрессии Вашингтона против нефтедобывающих государств Ближнего и Среднего Востока. Плана этой агрессии осуществляются одновременно по нескольким основным направлениям. Это — беспрецедентное наращивание американского военного присутствия в Индийском океане, в Аравийском море и Персидском заливе. Это — создание так называемого «корпуса быстрого реагирования», призванного выполнять роль дубинки в отношении стран и народов, не желающих принять «свои условия» поставок американских технологий. Это — активные поиски новых военных опорных пунктов и баз на чужих территориях, от Омана до Нении, и столь же активные попытки, опираясь на эти базы, сколотить некую новую милитаристскую «ось», заменив ею развалившийся агрессивный блок СЕНТО.

Попытка же на исчисленные нефтедобывающие страны, Вашингтон все более настойчиво стремится вовлечь в свои империалистические замыслы младших партнеров по НАТО. «Западна Европа в гораздо большей степени заинтересована в Персидском заливе, чем Америка» — внушает союзникам США У. Т. Беннетт, постоянный представитель США в Советском Союзе. По мнению о том, что зависимость Западной Европы от ближневосточной нефти отнюдь не диктует ей путь авантюры. Расширившаяся это заявление, «Нью-Йорк таймс» призывает западноевропейские страны — члены НАТО позаботиться «об обеспечении коммуникации, необходимой для переборки в отношении Ближнего и Среднего Востока. Знакомые погудки! Налицо лишь слегка модифицированная концепция вашигтонских геополитиков, которые давно уже выступают за «расширение сферы деятельности НАТО», за то, чтобы шпальцы этого агрессивного империалистического блока протиснулись бы и на Ближний Восток, и в Африку, и в Азию...

На днях президент Дж. Картер объявил о разрыве дипломатических отношений между США и Ираном. Совершив эту акцию, Вашингтон сам подвзрыл, что вышедшая американская администрация делает ставку не на урегулирование, а напротив — на разжигание конфликта, что Бельм дом, нарядившись в тогу «друга ислама», на деле выступает как враг Ирана и других исламских государств. Характерно, что нынешние аттаны Вашингтона на Иран совпадают по времени с новым туром американско-египетских и американско-иранских переговоров — одна из целей которых — «решение трояколетнего военного яления, нацеленного против нефтедобывающих государств. Надо ли удивляться, что «стребцы» Вашингтона действуют в одной упряжке с Тель-Авивом, ревностно исполняющим функции американского мандарина? Надо ли удивляться, что брацание американских оружий в зоне Персидского залива сопровождается все новыми акциями по укреплению связей Вашингтона с проимпериалистическим Египтом, президентом которого А. Садат, этот куда в арабской нации, предал и продал арабское дело? «Сторонники» сводятся откровенно агрессивную политику нефтедобывающих государств. Вашингтон одновременно на все лады муссирует наизусть фальшивую версию о том, будто с некоторых пор и вновь возникла «дуга кризисов», простирающаяся от Ирана до Эфиопии, вновь и вновь лускает в оборот злонамеренные замыслы о мифической «советской угрозе», отсылаясь на якобы несуществующую «угрозу» то на просторах Индийского океана, то в дряблях Африки, то в горах Афганистана. Ложь, господа! СССР никогда не претендовал и не претендует на чужие богатства, он никогда не покушался и не покушается на безопасность других государств. Что же касается утверждения о существовании «американской угрозы» — это не что иное, как попытка выдать черное за белое, отвлечь внимание международной общественности от опасных агрессивных замыслов американской администрации.

В свое время германский наездник Вильгельм II гравировал на своих пушках по-латыни: «последний аргумент императора». Не знаем, есть ли на американских орудиях, наведенных на страны Ближнего и Среднего Востока, какие-либо надписи, ироне «сделано в США», но Вашингтонские стратеги считают авантюризм и бомбежку «главным аргументом» в своих призывах на установление военного протектората над источниками нефти. Однако времена «политики канонерки» прошли, прошли насажда, и народы нефтедобывающих стран, на чьей стороне поддержка и симпатии всех прогрессивных и демократических сил, приспосаблились решимости дать должный отпор вашигтонским гегемонистам.

Бригадир полковник Абдурахман Бердмев.

МЛЕЙ

— Чтобы сея не прерывать... — отвечает Бердмев. — Они уже заправлены семенами. Тракторы привезут сюда пустые сеялки и поднимут эти. Каждая минута на счету. Поэтому и трактора горючим заправлены прямо в борозде. Сея идет круглые сутки, не останавливаясь.

— Какой урожай надеетесь получить? — Не меньше, чем в прошлом году, центнеров по двадцать пять с гектара. Это в среднем. Тем больше, что в этом году нашему колхозу исполнилось пятьдесят лет. Подкачать никак нельзя.

О колхозном юбилее мы уже говорили, как и о том, что доходы «Победы» составили свыше девяти миллионов рублей за один год, а чистой прибылью — три миллиона двести тысяч.

«Ирровые» между тем справились со своей задачей и прямым ходом отправились готовить для сенокоса следующие поля. Колхозники торжествуют, потому что знают: хороший сея — залог хорошего урожая.

Ю. ЛУШИН

Фото автора

Участники открытого партийного собрания с большим воодушевлением приняли приветственное письмо Центральному Комитету партии, Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР товарищу Л. И. Брежневу.

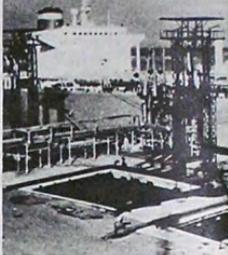
...Поздним вечером мы возвращались домой. На Каширском шоссе уже стало посвежее. Отключился не успев, и Дождель дождь остался позади. А впереди — Ленинский район, Горки Ленинские. Вспомнились сказанные на собрании слова об особом ответственности тех, кто живет, трудится на землях этого микрорайона Подмосквоя: здесь бывал Ильич, здесь трудился и отдыхал Ленин. И вот уже мыкнули на обочине указатели дороги к дому-музею, к дому, где все напоминает о последних днях и часах жизни человека, чье ученье, чьи идеи, мысли неподвластны времени. Они бессмертны. О том и говорили на собрании...

1 В диспетчерских сводках Латвийского морского пароходства появились название нового специализированного судна-газовоза «Москвит». Это самый крупный теплоход газовой флотилии, выход которого на международный рынок является собой новый этап в транспортно-энергетическом развитии Прибалтики. Проект разработан в Ленинграде. Построенный по заказу «Судофлорты» на итальянской судостроительной фирме, он предназначен для перевозки неметаллических сжиженных газов и аммиака. Вот что

рассказал капитан судна Григорий Кириллович Сталоверо: — Наше судно отвечает самым современным требованиям. Предусмотрено безаэтанное обслуживание главного двигателя мощностью 21 600 лошадиных сил, который добротнее сделан британскими машиностроителями. В высшей степени всех процессов позволяет экипажу из 35 человек обслуживать это морской исполин. Морьякам на судно созданы

хорошие условия: у каждого отдельная комфортабельная каюта, есть помещение и открытая площадка для занятий спортом, плавающий бассейн, сауна, фотолаборатория, библиотека. Скоростной лифт обеспечивает удобные сообщения между восьмью палубами.

Я. ЛЕВИТ
На снимке: «Москвит» под загрузкой.
Фото автора

ЗАПОРЬОНЬЕ

2 В эти дни, когда народы мира отмечают 110-ю годовщину со дня рождения В. И. Ленина, заканчивается сооружение комплекса Днепрогоссовского гидроэлектростанции, носящей имя великого вождя. Вряд ли еще найдется страна, которая снискала бы себе такую славу. Днепрогос стал для нас как бы символом индустриальной мощи Страны Советов, — писал в книге «Возрождение» Леонид Ильич Брежнев.

История Днепрогоса необычна. Станция создана по ленинскому плану ГОЭЛРО. Первый ток она дала в октябре 1932 года. А уже в 1939 году, коллектив станции был удостоен ордена Трудового Красного Знамени.

ПОСЛЕДНИЙ ШТРИХ ГОЭЛРО

Фашистские захватчики варварски разрушили гидроузлы. Многие зарубежные да и наши специалисты считали, что восстановить его нельзя. Но советский народ под руководством партии сделал, казалось бы, невозможное: Днепрогос был восстановлен в небывало короткие сроки.

В 1974 году на левом берегу Днепра в пустыни начался агрегат Днепрогос-2. Сегодня днепрогосчане сами агрегаты на новой станции, пристроенной к левому берегу, что и Днепрогос-1, только в противоположном направлении. Пуск последнего, восьмого агрегата состоится в канун празднования 110-летия со дня рождения В. И. Ленина. Теперь мощ-

ность Днепрогоса достигнет почти полтора миллиона киловатт.

Идут последние наладочные работы и на сооружении нового судоходного шлюза. Он позволит увеличить грузопропускную способность на реке на 12 миллионов тонн в год. А среднее время шлюзования сократится вдвое.

Ныне уже можно сказать: на днепрогосчане берут пример: созданная целостная композиция, в которой сочетаются В. И. Ленину, площади, носящая его имя, две гидростанции и шлюзы, объединены в единый архитектурный ансамбль.

И. СЕРГЕЕВА
На снимке: Новый машинный зал Днепрогосса.
Фото А. Красовского (ТАСС)

АМА-АТА

3 Сначала я услышал пение жаворонка и крик диного гуса. Потом теклоно зарыл мексикон, затрясла степная лисица, завыл доки м... залудил ребенок. Трудно было поверить, что все эти звуки издавал протестный киргизский ансамбль — симфония флейты, вырезанная из обычного талканса. Болат Шамгалевич Сарыбаев, кандидат искусствоведения (прочесть совсем недавно на защите докторской диссертации), профессор Ама-Атинской консерватории, бережно половил кирур на стол и, улыбаясь, смотрел на меня.

— Этому инструменту почти девяти лет, — сказал Болат Шамгалевич. — Мы нашли его в Восточно-Казахстанской области... А вот болат, нашедший под Чимкентом, постарше. Известный мастер сделал его примерно три столетия назад, и

трудно сказать, какие приключения ему выпали.

Мы переходим от одного старинного инструмента к другому. Их названия звучат загадочно — сыбызгы, асаткан, сырман, тумгас, шертер, усоркино, а в заключение, просто — настоящий музей, просто — парадокс. И на каждом из них, что самое удивительное, Болат Сарыбаев виртуозно играл, студенты консерватории уже собирались у профессора.

Поиск старинных музыкальных инструментов он начал три десятилетия назад, да же не предпологал, какое богатство бережно хранится на казахском народе. Некоторые из инструментов Сарыбаев впоследствии попытался усовершенствовать, придать им большую широту

звучания. Получилось. Их возможности продемонстрировал прошлым летом самодельный инструментальный ансамбль «Шертер» из Архангала на гастролях в Индии. Там они прозвучали впервые, вызвав болящую интерес любителей народной музыки.

Каждое лето профессор Сарыбаев отправляется в новую экспедицию. Нанешний маршрут — Оренбургская область, где живут потомки известного ама Асанбайты (Асан-печального), историю краем его знаменитый болат. Может быть, и этот инструмент найдет свое место в музее-музее.

Л. ЮРЬЕВ
На снимке: Б. Ш. Сарыбаев со своей коллекцией старинных музыкальных инструментов.
Фото автора

ЧЕЛБЕНСК

КОВАЛЬ МИРА

4 В одном из выставочных залов Челябинска, где представлены художественные изделия мастера чалкинского литья, внимание посетителя неизменно привлекает скульптура из чугуна «Новая мир», созданная неизвестным автором. Гра-

фическая четкость силуэта, динамизм, тщательная отделка деталей отличают это произведение.

— Не случайно именно эта работа в отделе чалкинского литья умельцами по модели, представленной чалкинскими мастерами, — сказала главный скульптор Чалкинского чугунолитейного завода А. Гивел, — была подарена Владимиру Ильичу Ленину до сих пор украшает его кабинет в Кремле.

Традиция чалкинского литья сложилась в XIX веке, сегодня продолжает молодые мастера литья. Их искусство воплощается в образах совре-

менинов: рабочих, землекопов, воинов, ученых. К 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина мастера чалкинского художественного литья выпускают новые работы: скульптурные портреты видных мировых пролетария и его соратников, а также композиции, рассказывающие о трудовом и ратном подвиге советского народа, строящего коммунизм.

В. ЗАСЕВ
На снимке: «Новая мир» чалкинского литья.
Фото автора

СОВЕТ

ТАШКЕНТ — ГОРОД КИНОФЕСТИВАЛЬНЫЙ

5 Столица Узбекистана — традиционное место проведения трех континентов: Азии, Африки и Латинской Америки. Через каждые два года они собираются здесь на фестиваль, проходящий под девизом «За мир, социальный прогресс и свободу народов!» Сейчас Ташкент готовится к шестому международному кинофестивалю, который будет проходить в последнюю декаду мая 1980 года.

Авторитет этого крупнейшего кинофорума растет, — говорит К. Р. Рахимов, заведующий отделом пропаганды и агитации Ташкентского государственного Комитрата Узбекистана. «Гуманистическая его направленность привлекает все новые творческие силы, особенно из развивающихся стран, борющихся с вековым наследием колониализма и культуры. Пример же развития нашей страны, пример советского кино, и в том числе узбекского, — истинный источник вдохновения для гостей и участников ташкентского кинофестиваля».

— В нем наиболее яркая его особенность —

— Показуя, в отсутствии конкуренции. Здесь царит дружба, господствует бескорыстный обмен именными и профессиональным опытом, всегда участники находят поощрительную поддержку, взаимопонимание. Начальник управления ин-

ноформации Ташкентского горисполкома Т. У. Хидиров добавляет:

— Отмечу еще и другие характерные черты. От фестивалей к фестивалю растет число участников и гостей. Соответственно растут и число инструкторов Фестиваля. Мы хотим, чтобы и гостей, и зрителей добрая память о Ташкенте, о том, что же делается для этого сейчас?

Фестивальные инновации будут демонстрироваться в двадцати кинотеатрах города. Они оснащены новейшей техникой, аппаратурой дневного показа. В числе отягощенной переспективой в нашем городе будет построен специальный кинотеатр «Фестивальный», гигант с тремя просмотровыми залами и помещениями для пресс-конференций, творческих встреч... Сейчас готовится выставочный зал, оформленный успехами зарубежных участников Фестиваля... В праздничный народ отбывает в Ташкент из городов Азии и Сибири города, появятся и зрители под открытым небом для бесплатного показа фестивальных художественных и документальных кинофильмов. Ташкент готов встретить дорогих гостей.

В. КОСТЫРЬ, собор «Юбилей»
Фото В. Сарвичевского

И а с и м е: Ташкент будет инноватор Фестивальный.

ИРКУТСКАЯ ОБЛАСТЬ

ШАРИК, ДАМКА И МЕДВЕДЬ

6 Есть в Иркутской области питомник охотничье-промысловых собак, истинный единственный в стране, специализирующийся на разведении восточносибирской лайки. Собака эта редкая, очень ценная, простой порой не даваемая. Не случайно все охотники от Урала до Амура мечтают обзавестись именно восточносибирской лайкой.

— Секрет прост, — предупреждает мой вопрос старший ветеринарный врач питомника С. И. Александров. — Во-первых, наша собака самая иркутская и крепкая из всех лаек. С восточносибирской лайкой можно ходить на соболя, белку и прочих пушак, также на лось, изюбрь, рысь и медведя... Теперь представьте такую картину: в шестидесятые годы эта ценнейшая порода собак стала вырождаться. Слала Фобу, во время спокватились и решили создать питомник. Здесь была глухая тайга. А сейчас жилие дома, школы, колхозники, ошощеранилище, гараж, котельная и, конечно же, ветлечебница.

— Вы говорите, лайка вырождалась. Тогда где же брали собак для питомника?

— Это целая история, — вздохнул С. И. Александров. — Пришлось исходить и отбирать собак в Бурятии, Иркутской области и Красноярском крае. Там есть тайные глухие места, где, кроме охотников-промысловиков, никто не бывает. А раз так, значит, никакие беспорядки и прибудные собаки не попадают. Короче говоря, брали от зимовь и зимовь, лет долгие беседы с промысловиками, уговарили продать в питомник своего Шарика или Дамку. Сейчас у нас сто суек и двадцать

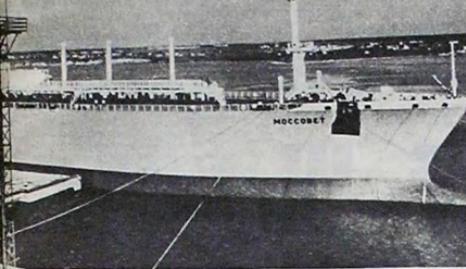
нобелей. Кроме того, двадцать шесть голов так называемого рамонтного стада, то есть молодина, который оставляем для себя. Охотникам же продаем до трехсот двадцати цент. Заявим, само собой, на много лет вперед. Каждый промысловик-профессионал дрессировщик и натаскивает собаку сам. При этом он заранее учитывает, с каким зверем лайке работать. Собойтания — это одно, а снажем, медвойтания — совсем другое, учат их по-разному.

— Скажете, а почему в питомнике имеют медведя? Зачем он здесь?

— А как же! Мы обязаны держать будущих рожденцев в охотничьей форме. В трехстах километрах отсюда у нас даже есть охотничьи угодья, где егерь натаскивает, мы иногда говорим — приравливают, собак на того или иного зверя. Для этого и медведь. Во время натаски мы его держим неподалеку на иркутском ошейнике: белая ошейник и просеивается с лайками...

— А потом мы пошли и волевать. Сегодня мороз под сорон, по полутраммесичные ценники сполонно имену на открытом воздухе. Смотреть на эти симпатичные ошейники, ирышней, и никто не верится, что через год-другой они выйдут на охотничью тропу и сам хозяин тайги будет избегать встречи с ними. Правда, стоит походить и другим волеварам, где живут отцы этих мальчишек, и все сомнения рассеиваются.

И. С. СОБЕЛЬЯН
И а с и м е: Старший ветврач С. И. Александров осматривает щенка перед тем, как передать его охотнику.
Фото А. Нагальниа

Юрий КОЗЛОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»

Солнечным зимним днем стояли мы с Геннадием Григорьевичем Поздниковым, заместителем начальника комбината «Красноярскэкскаваторстройтрест», в самом центре будущего завода тяжелых экскаваторов. Снег ровно покрывал все дакти с сорок гектаров строительнодочки. Белые искристые холмы убежали к горизонту и там сливались с голубым небом. Рядные красные и желтые экскаваторы и бульдозеры — все больше поодиночке — маячили вдали. Лежачий ветер задувал в лицо.

— Над нашей строительной площадкой хох на вертолете летал! — сказал Поздников и запрокинул вверх голову, словно над площадкой уже стрекотал вертолет. — Двести сорок гектаров! С чем сравнить можно? Даже не знаю. Ну, КамАЗ, «Уралмыш», «Атоммаш»...

Строительная площадка действительно была без конца и края. Проблемы, которые надо решать, тоже. Оба мы, конечно, понимали, что в данный момент строится только столько выводит из нулевого цикла. Конечно эти проблемы, начнутся другие — и так до самого пуща. Однако в связи с проблемами будут расти и корпуса завода, и в конце концов будет праздничный митинг, и первый красноярский экскаватор, усматривая глазами, сойдет с конвейера — все это было ясно. Но сейчас... Сейчас думалась: а какой, собственно, ценой будет решаться проблема? Прочувствуй какой, когда в результате всевозможной несогласованности, нечеткого снабжения и прочих — ух! — частях в строительстве достаются до коллектива потребуются максимальное напряжение сил! Или же стройка будет расти в гармонии с проектами и планами, все будет делаться в срок и без напряжения, с той организационностью и продуманностью, о которых шла речь в прошлорядном постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы». И сверхэкономического напряжения не потребуются.

Намучу я побывал у проектирующих и планирующих организаций и уже располагал кое-какой информацией. Стройка уникальная. И объем капиталовложений — полная проектная стоимость почти два миллиарда рублей, — и по технологии строительства. Одно из крупнейших новых строительных конструкций позволит сократить сроки почти в два раза. Институт «Главпроектстройтрест» разработал систему мероприятий по уменьшению затрат. В результате число людей на стройке сократится почти на тысячу человек! Производку рассчитывают получить уже через четыре года, первая очередь — около восьмидесяти роторных, шпандовых и ковшовых экскаваторов!

Темпы диктует время. В Красноярском крае идет усиленная разработка Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса.

Экскаваторы здесь требуются как никогда. Выходот, эффективность разработки угольного бассейна напрямую зависит от строительств завода. Вот какой «узелок» предстоит развязать комбинату «Красноярскэкскаваторстройтрест». И масштаб задач, по видимому, должен определять подход к делу.

Но я располагал и другой информацией.

— В 1981 году необходимо пустить котельную, объекты инженерного обеспечения, линии электроснабжения, водопровод, — говорил заместитель директора завода по строительству Александр Камиулинский. Машин, естественно, возьмется, наберет ли стройка темп. План прошлого года выполнялся за один месяц на сумму в полтора миллиона. А в этом году только пять миллионов. И вносить стройкомбинат не желалово. Он сейчас на шесть процентов работает от поставщиков, а те, неизвестно, дадут бетон или не дадут. Привезут арматуру или не привезут?

А, с другой стороны, кто виноват? Министранстрой? Они и в начале года на строительстве подъездной железной дороги и заводу должны были освоить миллион четыреста тысяч рублей, а освоили только пятую часть. Всеминая проработка! Или Минэнерго? Они отстают на строительстве котельной. Ее скоро никто будет сдавать, а они только одиннадцать свай забивли. Но кто виноват? Или же железной дороги на территории заводу лопат, а на их яже не обогреть, если нет котельной? Поставщиков огромной количеством, а вот четкой координации нет.

...Строительная заводу тяжелых экскаваторов находится в семидесяти километрах от города. Ехать туда надо по так называемому Енисейскому тракту, ведущему на север.

На стройке а оказался под конец рабочего дня и сразу пошел в диспетчерскую, потому что все другие помещения были закрыты. Главный диспетчер, совсем молодой человек, Владимир Грибовский куда-то опоздал.

Наш комбинат «Красноярскэкскаваторстройтрест» был организован специально для сооружения завода, — говорил он, одеваясь и складывая в портфель бумаги со стола. — Не считая, конечно, полностью зависис от поставщиков. Основная нынче работа — бетон. Чуть бы план выполнить, нам надо в день больше четырехсот кубов, а

случается, по семь-восемь привозит. Я диспетчер, моя обязанность людей работать обеспечить, а как я их могу обеспечить, если бетон не везут? Вот посмотрите, какие проблемы решаем! — протянул листок Грибовский, скрепился за дверью. В диспетчерской висели объявления в углу потрескивал дежурный на радио «Огоньки». «СУ-89. Нет оборудования». «СУ-91». Должны были привнать 190 кубических метров сорной железобетон — привезли 16 кубических. «Арматура! Арматура!» «Бетон!» «Нет арматуры!» «Нет арматуры! Бетон!» На листике, помимо деловых замечаний, был нарисован изрядный девичий профиль.

В этот самый момент вдруг расплапнулся, и в диспетчерскую вошел Геннадий Григорьевич Поздников — в тот вечер самый главный человек на строительстве. Начальника комбината Н. Н. Шкурин извездил до этого перевез в Москву, в министерство.

За несколько минут мы очутились круг вопросов. Как преодолеть хроническую нехватку бетона и арматуры? От чего зависит выполнение комбинатом плана? В чем причины межведомственной несогласованности на столь ответственной стройке?

Я достал блокнот, приготовился слушать. Поздников, а он вдруг: «Чего-то здесь, в диспетчерской, сидеть? На площадку поехали! Там на месте и будем разбираться!»

— На ночь глядя!

Ничего, — засмеялся Поздников, — прожестора свята...

Ночью двести сорок заснеженных гектаров ваял имели еще более загадочный лунный прожекторы бесился снег, звезд на небе было не видно. Как-то не верилось, что завтра ударит мороз — и все заданное в лунный прожекторные экскаваторы, копошащиеся в огромных котлованах, напоминания фантастические механизмы обслуживания цеха, корпуса, сооружения будущего завода. Чувствовалось, ночь ему не похлема. Он и с закрытыми глазами может едть по этой огромной территории. Шюфер чертыхался:

— Не пошлю! Совершенно не пошлю этих дорог!

Поздников смеялся:

— Что же ты, дружок, выладеешь своего шефа?

— Как это выладеешь? — Раз дороги не поминишь, значит редко сюда твой шеф едет. А ему, между прочим, повезло здесь каждый день быть!

Разбегаются, переплетаются дороги. Наконец, остановились.

— Ну как! — спросил Поздников.

— Спасибо. — заискусился Поздников. — Как же это Геннадий сит? По стройке ездил, причем небывалой для нашего края. Деси пог какнин в основном объектах занимался. Ну, что сто — десети миллионов. А здесь-то счет на миллиарды! Дело-то новое! Можно сказать, первотроном идеям. Как же здесь без издержек?

— Выходит, чем стройка крупнее, тем и издержки больше? — А с другой стороны, — словно не услышал меня Поздников, — такой размах... Теори, пробу, проявляя способность! Нет, на стройке не так. Ну, что сто — десети миллионов. А здесь-то счет на миллиарды! Дело-то новое! Можно сказать, первотроном идеям. Как же здесь без издержек?

— Выходит, чем стройка крупнее, тем и издержки больше? — А с другой стороны, — словно не услышал меня Поздников, — такой размах... Теори, пробу, проявляя способность! Нет, на стройке не так. Ну, что сто — десети миллионов. А здесь-то счет на миллиарды! Дело-то новое! Можно сказать, первотроном идеям. Как же здесь без издержек?

— Что перед нами за сооружение? — понизился голос.

— Это бетонный завод, — отвечает он. — И арматурный цех. В ближайшее время запустим.

— Да, мы предвидели, что обязательно возникнет ситуация, когда будет не хватать бетона и арматуры, — решили сами. — Мы по временно высвободили средства. Еще такая же образцов построили одну котельную и два водохранилища. Так что это зымок мы с вами.

— Ну, а как вы сами решаете положение, когда строителям фактически приходится брать на себя задания других отраслей? Плюс это или минус?

— Минус на минус дает плюс! — засмеялся Поздников. — Конечно, высокоразвитые, дублирующие друг друга производства в крае много. Хорошо бы их объединить, дать им одного начальника. Мы же от хорошей жизни заводим у себя производства, которые нам в принципе иметь не положено. Это маневр, до поры до времени спасающий нас от просчетов поставщиков. Но тут мы себе строго по инструкции, сидели бы сейчас с несоосными средствами, а бетон и арматура с неба бы на нас все равно не посыпалась.

— То есть собственная минималка помогает вам латать чужие дыры?

— Инициативное нашей приходится вытискивать задом наперед. А была бы уверенность, что тылы крепки, что все поставки в срок, — э! — Поздников мучил ухом.

Одновременно эта самая инициатива у нас гостя неслучайна. Чтобы воплотить ее в жизнь, нужен коллективный талант!

— Как неизбежное дополнение к проекту?

— Проект всегда исходит из идеальной ситуации, — отвечает Поздников, — а в идеальной ситуации в строительств пока только

адреса великих свершений

А. Ткачев. Род. 1925. С. Ткачев. Род. 1922. ПАМЯТЬ НАРОДНАЯ. 1978.

XIV выставка произведений членов Академии художеств СССР

Михаил ГОРБУОВ

Глава из романа

Рисун П. Пинисевича.

С самого утра что-то неприятно томилло Анушкину на новом аэродроме, где все пока ей было внове — холодная готика едва видных в тумане крыш за пыловатой росницей, скуное свечение мартовского солнца, бесильное распост сырую тягучую мглу. И это соединилось с давно уже никем не испытываемым в ходе безудержного давящего фронта, несколько озадачивающим ощущением какой-то крупной неудачи — она, собственно, и повлекла спешное переоборудование дивизии.

Представления Анушкин о ходе боевых действий были, конечно, слишком малы, чтобы оценить реальное положение дел, все творилось где-то далеко, и в полусумраке, в тишине радости до нее долетали лишь отзвуки грохочущих битв, и даже при прямой опасности, когда случалось на аэродроме или при переездах с места на место попадать под бомбежку, она никак не могла серьезно отнестись к требующей бегать в укрытие команде «во-оуду-у!»; к отрывающимся от самолетов осколкам бомб, и свистящим над головой осколкам... Теперь же, воспринимая большие внутренние эмоциональные чутые, тревога как бы подтвердила то, о чем думалось в кузове «студебеккера», пробравшегося в завалы тусклых, серых с февральской заметы каменных громад Будапешта.

Это была четвертая «зарядка», куда забросила Анушкину война: сознание свилось с никогда не слышанными названиями городов, с самой реальностью падения государственных границ и королевских монархий, оно лишь успело запечатлеть пестрые противоречивые картинки чужбин, сотни лиц то угрюмо-настороженных, то неуноюще-радостных, пыла румынских проселков, черепичные крыши болгарских селений, розовые отроги Македонских гор. Но, пожалуй, только недавно в прошлом после долгой осады Будапешта в виде различных местоп, повисших над темным, холодным Дунаем, исклеванных осколками стено и черных провалов бункеров Анушка смутно

Полностью роман «Жанорнок, жанорнок, прийти» будет опубликован в журнале «Москвиз» №№ 4, 5.

почувствовала, как трудно и утяжелено идет война к своему концу, и ей стало боязно за Андрея.

Она не ошиблась, и вот теперь в заданиях на боевые вылеты стало часто называться озеро Балатон, из района которого вражеская группировка профорировала тылы советского фронта, дошла до самого Дуная, и что же, спустя годы военные историки удивостерят упоенный Анушкину тяжелой пароксизмом провозвонными и отчаянною вражеской рейды бы последние в войне контр-наступательной операции германской армии, — и тогда была спешная переборка дивизии, было энное, с сырми, холодным туманом утро на новом аэродроме, где Анушка оказалась вместе с Андреем, но тревожное ощущение беды в Анушкиной душе не могли заполнить ни бордур стукотом двигателя, ни торопящегося вылета, ни мерцающие лампочки на панели, говорящие об исправной работе аппаратуры.

Выбор командира полка пал на Андрея, и дело ему предстояло нештучное.

Все в полку знали, что на прежнем аэродроме двое остались с неисправным самолетом — техника и механик. Приказано им было отремонтировать машину — попому сигналам пулестой — и перебраться на новое место. Ждали-ждали их в полку, да и решили все же плюнуть на тот самолет, уже не до него было, люди бы спастись по сведениям, аэродром вот-вот мог захватить прорывавшиеся в тылы немцы, — командир полка ходил туда-тучей.

Петь за полковым бедолагам турочено было Андреем. В последнее время к чистой, непосредственной боевой работе ему прибавили еще вывозку пополняющих полк молодых летчиков на учебно-тренировочном истребителе — УТИ, уточнее, по авиационно-му жаргону. Так что с машинной работой знаком, опыт богатейший... И мест в уточке много. Во вторую кабину, правда, придется втиснуть обон — и техника и механик, но тут уж было не до удобств.

Командир полка сказал:

— Надо слетать, Андреех...

И поспотрел с изумившейся усмешкой: «слетать» нужно было в самое пекло, а на уточке заваленного пулеметика нет. Андрей понял усмешку «бати» и понял, что должен лететь. Больше никому в полку, уже начавшей боевую работу с нового аэродрома.

— Повидяся с кем нужно тебе и давай в воздух... Давай. Я думаю, немцы тебя не троюут, они все над Будапештом акят. Думаю, проскочит.

«Бата» хитрил. Не сказал, с кем повидяся, и сказал «повидяся» вместо «попрощайся», — он только пригнул к себе Андрея, резко повернулся и пошел, так знакомо ступая, — но ведь не всякая песня до конца допевается.

До аэродрома, небольшого квадратика засеянной земли, вправленного в геометрическую путаницу дорог, поселков, станций, небольших роц, Андрей добрался благополучно, только его все время не покидало ощущение легкости, иррегулярности уточки. С тоской по мощной, вжимающей тебя в броневую спинку двигательной силе настоящей машины он наторженно отстривал небо, пока почти физически не почувствовал накатанность внутренней линии фронта — по нерной ступоте машин и повозок, по безмолвным дымящим-блесткам дальноточных орудий. В стороне наслышно клубились, уходя в небо, черные дымы, это горел Чегед, узел северных и железнодорожных путей, — горела, как понял Андрей, станция, горела, горела, горела, как-то склад — опыт разведчика его не обманывал.

Он вспомнил, увидел другим тот Чегед — густовато-бурые булыжные улицы, магазин на углу, густо закрытые জানюзы. Было раннее, холодное, украинское сияние утра, чисто синело небо, еще не пробрызганное солнцем, и обобщенный войной городок просылался другим совершенно новым для него среде, еще так свежесоросом этого наго, и Андрей, бродя сред аккуртных переулок, с редкими, пугливо отгибающими его на забинал на щеках обжигающе холодными струями зов узнавал, и одной из них жидко были подняты, покочебавшись, он вошел — это оказалась парикмахерская.

Крупный, полный человек в белом переднике итигал, густо закрывавший дверные глазки усами погасил вспыхнувшую лампочку, глаза отороп, неуверенно показал на кресло, и было совершенно в новинку, когда он забинал на щеках обжигающе холодную мыльную пену, втирая ее в колючие пальцы волосатыми пальцами, и не было безгласности, а было почти весело с потановой опаской чувствовать летящие над шеей лезане, знать, что ты здесь, в немаломом даки от дома, со своей молодостью, ордами, ширмом, по которому, обиселуде от боязни, уже осторожно ходит кустранный бритва, и вот, переберясь властью победителя, пригласивши цирюльнику с фигурой и усам сошедшего со старых афис Поддубного новенькую, хрстувшую денежную бумажку и видяши, как что-то правяющее и марское с обличиваемым разглаживает тревожные складки на его в общет-то добродушном лице.

Ну вот, а тебе тут долбил, что русские мдут жечь и убивать...

В Чегеде было их с Анушкиной ночь в большом богатом особняке, кажется, владельце кожеванного завода, убежавшего с немцами, единственно помытые волосы, на сетчатке не складывавшиеся во что-то определенное движение фронта. Ночь и омутная гулька тишина погруженных в роскошь комнат... Была густая, почти черная тьмасть хрустала в голых руках Анушки, оправдываясь мучавшее Андрея смутное предчувствие мягчайших женских линий... Глядя на ее разметавшиеся по крахмальным простаням, с великим наследием помытые волосы, на сетчатке в полукрае юный овал лица, он с тихой радостью открытия подумал о том, что останется живым — ради нее, ради позолотило посланное ему счастья. Впервые он чувствовал шедший от нее усложненный тон, женское ее благо, которое явилось ему внезапно и властно, как удивительно легкие линии эти обнаженныя руки: впервые он чувствовал, что сам становится другим с Анушкиной, сам что-то облетченно сбрасывает с себя, — все отвела вот эта девочка со своей безглазой жертой. Да, да, он будет жить, потому что теперь ему, он бы страшно не самья смерть — с мыслью о ней он давно свыкс, — страшно было обрывать счастливую нить своей любви.

Он хотел, чтобы Анушка немного уснула поспать, и изуропило на дорожку, и так бы были сплущено нумены эти чудом доставшиеся несколько часов их уединения, близости, и оба не сомкнули глаз, и уже перед рассветом она пошла и поставила в шкафу бонаны, убрала постель, и вот тогда-то ему стало общено до боли за то, что ей только и остается прибирать временное их пристанище. Он способен был взорвать этот набитый хрусталем, сверкающим паркетом дом — некогда не мерщивавшийся им с Анушкиной обитель благополучия — за то, что так несправедливо оделет людей судьба.

Нужно было уходить в стылый сумрак рассветной улицы, горела, как-то склад — опыт разведчика его не обманывал.

Но вот теперь, еще издали увидев бесфор-

миче клубы дыма, Андрей сразу определил, что это горит Чегед, горит напрасно, по чьей-то прихоти, не пожелавшей сдаться догке войны, и у него зашило глаза: горит их с Аннушкой призрачный коневой островок. Он вспоминал все, и вдруг снова, как в ту ночь, к нему пришла спокойная мысль, что он будет жив.

Аэродром был под самым Чегодом, и, подлетев к знакомому летному полю, Андрей ощутил непривычную пустоту скользящего потолка квадрата среди скользящих в небо от круто заложенного вырыва полевых и рощ—немцев здесь пока не было. В противоположной аэродромным службам стороне сиротливо чернел в капюре самолет—тот самый, с которым оставило технику с механиком. Самых людей не было видно, но Андрей решил садиться, и снова было непривычно от неживой пустоты поля.

Самолет приблизился ровно—костыль знакомо, дробно зачертил, прорезая гребешки наледяи, и не успел Андрей подругнуть к самолету, как из-за капюра, несясь темнеющего под самой рощей, выскочил и бросился настречу человек, надув видно было, слазинок, полный, и нерушимо одетый шинели. Андрей смутно узнал в нем капитана, неподалеку из БАО¹. Он махал шапкой, чтоб его заметили, и, когда стал как выскочивший перед рулевыми самолетом, глаза были полны детского ужаса, от мисето-красного лица, от черных мокрых волос валял пар. Андрей приподнялся над кабиной, ничего не понимая, сдерживая смех и досаду при виде обезумевшего, неспособного поверить в спасение напроде.

— Откуда ты здесь, елки-моталки! Где наши, полковые, с самолетами!
— Тот тыкал засаленным шинельным рукавом в сторону рощи.

— Там они. Туда пошли. У меня машина здесь с продуктами. Прибыл, а вас нет. Вон, слышите—вон они стреляют, немцы это...

— Машину сюда. Спасибо, сам живой. Я машину твою за хвост не прицелил. Где машинный Водитель где!

— Нету машины,—бестолково твердил напроде.—Водителя убили.

Видно было, капитан поймав в хорошей, типичной при вражеских прорывах в тылу заварику.

Сказав реденький чих работающего на холостом ходу мотора Андрей, обернувшись назад, вприду услышал отдаленный шумок, как бы накатывавшийся за аэродромными постройками, кажется, действительно слышны были выстрелы. Но тут же его что-то привлекло снова к капюру, к роще, куда только что показывал напроде,—оттуда бежали двое, те, свои, полковые—тоскило, как зумер, заликало в ушах: тоже теперь вместо двоих, но одно: оставался капитан напроде, легчайшая техника, сорвана механика!

Они крутой стояли перед ним—и со стороны, совершенно ненужными сейчас подробностями пропечатывались в сознании то растерзанности от понимания, третьего лишнего лицо напроде—ворот кителя смит, как почти всегда бывает у полных людей, торчат расстегнутые крючки,—то немолодое лицо техника, сев, сжимающееся в комоч от постоянной работы на холоде, то кошоенные в сторону, обидно пожелавшие глаза механика—он понимал, что аллюдий по званию, и даже не твердил. Но зыбленье чувств потерянная фигура механика вызвала в Андрее нестерпимую жалость.

В это время тот самый «зумер» начал разрастаться и разростаться, и как бы вышел из ушей, так наружу, и уже можно было не обес-

риваться, чтобы понять, откуда идет на самом деле глуховатая, с выкриками, с выкриками чужой речью разногласица. Но Андрей все же обернулся—ядали зарыбила бегущая от ангаров, расплывшаяся по полю толпа. Он снова подумал о механике, беспомощно отглядывая самолет, и уже знал, что не полетит без него.

— Раздвайся! Шинель снимай!—крикнул он напроде, со злостью на его полноту, на то, что тот вообще оказался здесь ни к чему ни к городу.—Завезай, чего стоишь, как осеи! И ты Быстро в кабину!—приказал технику.

Напроде занял почти все место, технику поместился у него на коленях, непомнящее выглядывал из-за фонаря на друга, одиноко стоявшего на земле. Медленно крутящийся винт открывал механику жалко опущенное плечо, и видно было, что он не понимает, зачем зовет его Андрей. Даже когда забрался на крыло, ничего не понимал: Андрей показав ему до смешного узкий проем между кабинами, не понимал, что в эту дыру ему нужно было каким-то образом влезть... Но все же понял, сбросил старую засаленную куртку—она шлепнулась блином на землю—и полез головой вперед—снаружи, прямо перед лицом напроде, в тавина, осталась истерией до обмарывшихся белых ниток заначки.

Андрей дал газ, развернулся, посылая костылем по укатанному снегу. Когда пошел на взлет, настречу бегущей толпе, сразу почувствовал—да он и ждал этого—предельную слабину, неспособность самолета поднять тяжелый груз. Газа два или три он отрывал от земли, машина зависла в воздухе, влекомая какой-то пустой тягой знаменитого мотора, и снова удержался о скользящем обледеневшем поле. Немцы начали ресскопиться в сторону от шедшего на них русско-

тарана, и Андрее оставалось только люто жалеть, что он не устроил из этой толпы кровавого мясва, а бессильно армяется в стоящие на пути ангара. Но, просясь по мордору в толпе, видимо, пораненной происшедшей на ее глазах дикостью и потому даже не успевшей расстрелять самолет автоматным огнем в эти секунды длинного и опасного разгона, он почувал только летчику знакомый момент какой-то опоры, превозмогания одной из двух сил. Он остромерно, стараясь не потерять спасительного ощущения жевой тати, встал рожу на себя, с замуршим сердцем думая о том, чтобы не задеть колесом о крышу аэродромной постройки, и уточка, как бы успокоивая его, с ликующим ревом полела в небо.

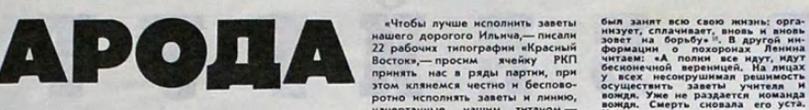
В эту минуту Андрей с безогонной радостью вспомнил, что он должен остаться живым—ради Аннушки, и он снова увидел ее лицо, бледное от бессонной ночи, притрушенные ресницами глаза, почти детский рот, и знал, что нет у него роднее на земле человека, и с непонятием его уверенность в своей неуязвимости от замлетил скользящую верхушку амессериншта.

Уйти от атаки он уже не мог, а немецкого летчика, видевшего, как тяжело, до забвения доступно идет уточка, не было даже охоты заходить ей в хвост, он решил переждать ее поплываемой очередью. Андрей услышал пульный шелчок, горячо, спрессованно толкнув в затылок воздухом; он оглулился, страшно уцелеть то, что сделал немец позади него. Но из-за кирзовых сапог механика, торнавших из чрева уточка, на него глядели испуганные глаза напроде, техник тоже уцелел, только лицо затвердело, как слепок синей глины.

«Уточка» толпала над стремительно, от небольшой высоты, уходящей назад пестрестрой земли, апреды, слева клубилась все те

Ан

деревя: красивые идеальны, вымороженые, и детали анимированных белых рабоще, возмущение нечеловеческой ступице дад Барбур. В мутно, сияюще срежет машин, из-под полноты и нежности. По их знания, их последний придет...
Как же это напоминает образы из поэмы Маяковского:

Земля труда проходила парадом —
жизням проходила парадом —
итогом леннинской жизни...
Как будто забитые, надежду оплывавая,
склоняясь в горе, проходит китайцы...
Как будто не вое, и не звезды на ней,
а плачущ над Лениным негры из Штатов.

Не исключено, что приведенная заметка, как и многие другие газетные материалы, привлечала внимание Маяковского в период работы над поэмой и своеобразно повлияла на нее.

Маяковский психологически тонко передает то ощущение, которое охватывало каждого в минуту прощания с Владимиром Ильичем. Приведем сначала газетное сообщение: «Пасташи двух подзащитов прегатывает Дом соловз густые вереницы. Обнажают головы, бесшумно поднимаются по лестнице. Наверху уже тишина. Оттуда бросают немони рядком: «Гше...». Частые шепотом: — По трое, товарищи, по трое. Смотрят один напряженно вдаль, в конце коридора и про себя: — Странно как-то, Ленин там...»¹⁴

Рассказывая о том же, что и газета, поэт достигает более глубокого и сильного выражения внутреннего состояния людей, подходящих к гробу с телом Ленина. Ступени рыдают. Но вот затихает дыхание и пенсье, и страшно ступить — под ногою обрывается —

¹⁴ «Рабочая Москва», 30 января 1924 г.
¹⁵ «Последний догг.— «Правда», 26 января 1924 г.

бездонный обрыв в четыре столбца.

Однако, как ни велико было горе, вызванное гибелью вождя, не скорбные переживания составляли главное содержание поэмы. Уже с первых строк героического повествования своеобразным камертоном звучит призыв: Время, снова леннинские дозугны развлекри! Нам ли растекаться слезной лужею. Ленин и теперь живее всех живых — наше знание сила и оружие.

Центральной идеей поэмы — единство вождя и народа, бессмертие леннинского дела — определяет не только ее композицию, но и всю систему художественных образов.

Широкий отклик в печати нашел объявленный ЦК РКП(б) Ленинский призыв в партию, «Лучшим памятником Ильичу», писали сами рабочие, — будет массовое вступление рабочих от станка в Российскую коммунистическую партию, основателем и руководителем которой был наш дорогой Ильич». «Партия стала в центре внимания всей беспартийной массы», — отмечал корреспондент «Правды»: «К ней чувствуется самое бережное и заботливое отношение. Красные пролетарские кузнецы крепят свою партию. Они отдают ей лучшие свои силы и этим возлагают на ее плечи могучую Иличью дилемму».

Образ лучшего венка на могилу Ленина у Маяковского превращается в образ партийного венка, что значительно глубже выражает суть леннинского дела, его бессмертия.

В заявлениях о вступлении в партию рабочие объясняли, что им побужден к этому, почему они не могут поступить иначе.

¹⁶ «На фабриках и заводах.— «Правда», 24 января 1924 г.
¹⁷ «Венок на могилу Ильича.— «Правда», 31 января 1924 г.

«Чтобы лучше исполнить заветы нашего дорогого Ильича», писали 22 рабочих типографии «Красный Восток» — просили членку РКП принять нас в ряды партии, при этом клеимся честно и бесповоротно исполнять заветы и лично, и через наших товарищей». Ильичем, и ни в каком случае не отсутни на нас шаг!¹⁶

«И вот, товарищи, я прошу меня записать в ряды ерка-но», — взлетает на трибуну беспартийный. Как наш великий вождь приказал провести его работу над буржуаз. Ленин учил — слышавший в единичном виде. Ну, и слышавший, товарищи, чтобы наш, этот кулак не угрязили те, кто смотрит на нас жадными зубами!»¹⁷

Все эти мысли, волнения и заботы, вызванные раздумиями над тем, что делать дальше, как быть без Ленина, кто его заменит, прекрасно отражены в поэме. Маяковский исполняет поэму типично народные обороты, как «чужие ерка-но». Он не выходя на первый взгляд грубоватого выражения, как идеально вальсится на перини клоунов по своей силе строки:

Общая мысль воедино созвездья рабочих, крестьян и солдат-убок: — Трудно будет республике без Ленина. Надо заменить его — кем?

Довольно вальсяться И как? Товарищ секретари! На тебе —

просим приписать к вечной ерпаповой сразу, коллентанно, сь завод. —

Смотрят буржуа, глазны раскорича, дрожат от топота крепких ног. Четыреста тысяч от станка горячих —

Ленину первый партийный венок.

В письмах и устных выступлениях, опубликованных в периодике тех дней, доминирует одна мысль: дело, начатое Лениным будет жить и победит. «А он маторато-бедный, спомойный, ивлинный и в гробу, даке в молчании смерти продолжает творить то, чем

¹⁸ Рабочие дали РКП.— «Правда», 27 января 1924 г.
¹⁹ Заявления о приеме в партию.— «Правда», 26 января 1924 г.

был занят своею жизнью; организует, сплавляет, в др-ке ивондуют на борбу». В др-ке ивондуют о похородах Ленина читаем: «Смерть Ильича — это бесконечная вереница. Из лица у всех — великая радость — осуществит заветы учителя и вождя. Уже не раздается команда вперед. Смерть Ильича — это война. Но война в эти минуты понимает команда без Ильича — в смысле в ряды!». Последний штурм. — Этой мир! Освободи место новому!»¹⁸

В этой связи нельзя не указать на заключительные строки поэмы:

С этого знамени, с каждой складки снова живой вылетает Ленин: — Пролетарии, — стрейтесь и последней схватке!

Рабы, разгитайте спины и колени! Армия пролетариев, — встань стройной! Да здравствует революция, — разоружай врагов, — сражайся сносор!

Сопоставление поэмы с газетными откликами на смерть Ленина убедительно показывает, что для поэта газетный материал — это не архаичный источник, это живой источник современности. Это отражение того, что Маяковский видел глазами и что болейшая частью чеческой силой воссоздал в своих стихах.

Поэма Маяковского «Владимир Ильич Ленин», сохраняя живое дыхание времени, всем своим содержанием устремлена в завтрашний день, в наш сегодняшний. Это происходит это потому, что Маяковский, хотя и отрывался от конкретных фактов, взятых из жизни, не просто отражал действительность, «перерабатывая ее в стихотворные строки. Он выявлял и художественно обобщал ведущие ее тенденции. Самой отличительной особенностью поэмы является то, что Маяковский осмысливает жизненный материал, умея видеть главное, характерное, поднимать конкретный факт до уровня типичной черты эпохи. Все это делает поэму Маяковского вообще и поэму «Владимир Ильич Ленин» в частности вечной и обладающей по силе воздействия на массы. Каждое новое поколение читателей всегда будет находить в его стихах то, чего не замечали предшественники.

²⁰ Пять минут у моголова Ильича.— «Правда», 26 января 1924 г.
²¹ Последний штурм.— «Правда», 29 января 1924 г.

инудь, что мог натворить ямесс, но руки-ноги у него ворохались и голова была цела. Он посмотрел назад и увидел совершенно черные, со странными белыми глаз, физиономии напрода и техника; и туужура Андрея и вся машина была в кюпте. Но Аннушка ничего не хотела знать — убавляла, и не ввердил, подбежала к нему, прижалась содрогавшимся от радостных всплесков, невзротно родным ему телом.

— Как из ада,— повторял он, прилепленный взором двух людей, сившихся к той-то откуда-то вытаски.

В руках одного и другого оказались по старому, истертому сапогу, на голых, неприятно белых ногах болтались грязные портянки... Они все-таки выткнули механика — тот обяс

у них на руках, шупльи, растерзанный, лицо было страшно, было жала, механика, но во время полета краем, и когда его ссадили с самолета, всунули в сапоги, он валился на землю, ничего не соображал.

Андрей уже не испытывал страха на напрода, который, растерзано стое перед командиром полка, прикладывая руку и шапку, осыпанной пылью, выткнул вперед. Другую — пажеской гримидер отводил а сторону, как бы озабочивая командира полка от созерцания своей скончившейся от холода затрещавшей фигуры.

Сейчас напрод даже не был смелым. Андрей к нему опять было жала, механика, на которого так-таки и пришлось все шикши: когда его обуали, высклилось, что ямесс раздобыл ему кабуку и задник сапога — Андрей восторженно режик, режик, да впервой атаке напрода. Напрод обещая похлопотать, чтоб выдали новую обувь. Но сам механик только черт недело, в лазарете, встал с головы на ноги.

В Ъ Е Й Р

А. СОФРОНОВ

Солнечный, ветреный день. Последнее утро в Дамаске, где мы пролегли целую неделю. Вперед — дорога в Бейрут. Давно я не пользовался этой дорогой. А осталась она в памяти широкой, идущей по пустынной, каменистой местности, и только около ливанской границы окружена с двух сторон небольшими селениями.

У границы шум подвезающих автомашин, легковых и грузовых. Здесь полагается пройти обычные пограничные процедуры. Миноват сначала сирийских, потом ливанских пограничников, затем уже выехать в Ливан.

Все выше поднимаемся в гору. Возле дороги лежат метровые снежные сугробы. Настоящая зима.

В памяти осталась неделя в Дамаске. Встречи со многими писателями арабских стран на их XII съезде, выступления, поэтические вечера — все, что обычно сопутствует тем, кто связан с литературой и особенно с поэзией.

Зачем же на этот раз мы направляемся в Бейрут? Задачи две: познакомиться, как в новых условиях работает редакция журнала «Лотос» — орган арабо-евразийских писателей, и подписать договор о дружбе между Союзом писателей Ливана и Союзом советских писателей. Наши читатели, вероятно, не очень осведомлены о журнале «Лотос», поэтому мне хочется коротко охарактеризовать его. Сорок с лишним номеров журнала выпущено за эти годы на английском, французском, и арабском языках. На последней, Шестой конференции писателей стран Азии и Африки, которая состоялась в июне 1979 года в столице Анголы Луанде, была избрана новая редколлегия «Лотоса». Редактором журнала назначен прогрессивный ливанский поэт Фаиз Ахмад Фаиз. Редакция журнала переместилась из Кайры в Бейрут, где еще располагалась и редакция «Лотоса», выходящего на арабском языке, возглавляемая талантливым палестинским поэтом Моини Биссу. Редакция переехала сюда совсем недавно. Наши ливанские и палестинские друзья сделали все, чтобы те, кто возглавил новую редакцию, чувствовали себя уверенно на трудной ливанской земле в многостворчатом городе Бейруте!

На следующее утро после приезда мы были в кабинете Фаиза Ахмад Фаиза.

Фаиз Ахмад Фаиз последние десятилетия жил нелегкой жизнью: сидел и в пакистанской тюрьме, испробовал горький хлеб эмиграции. Но не переставал писать.

Фаиз говорил:

— Мы полны надежд и уверенности в том, что «Лотос» по-прежнему будет привлекать внимание читателей. Мы собираемся публиковать произведения новых авторов, молодых писателей Азии и Африки. Для нас одной из основных задач является распространение «Лотоса», реклама его, ибо каждый читатель, знающий английский, французский, арабский языки, может в журнале найти для себя интересные произведения о жизни народов этих двух континентов.

Был теплый, солнечный день. С Балкона вместе с Фаизом Ахмадом Фаизом, Моини Биссу мы смотрели на виднеющееся недалеко Средиземное море и огладевали сложной, кипичкой, как муравейник, Бейрут. Моини Биссу сказал:

— Стоит посмотреть на этот Бейрут. Здесь были тяжелые бои, бомбардировки, разрушены целые районы.

И невольно вспомнились стихи Моини Биссу, опубликованные в прошлом году в «Огоньке»:

Счастлива позвонить в аэропорту.
Счастлива позвонить в аэропорту.
Был безопасен путь сюда,
к трупам, где стоит самолет
иностраный.
И все — о'кей.
И только мешок с песком
один
напоминает — это Бейрут.

Бейрут
не гибнет и не живет,
читает газетную статью:
справа — убийца,
слева — мертвец.
Газета читается — жизнь идет.
Счастлива позвонить в аэропорту.
И доволн читатель —
скоро отправится самолет.
А этот мячик мешок с песком
не будет мольбой глаза.
И, однако, Бейрут живет
и умирает
в своих стенах.

Горький город.
Пулн. Хлеб.
Вино. Развалины. Облака.
Корабли, выброшенные на мель.
Запастся в нурчикуна.
Итервал
между трупами. И мишень.
Израженческая дгска.
Афиша, исцеленная дождем.
Длинные пальцы твои дрожат
над клавишами ночей и дней.
И птица весенняя парит
над руинами.
Взрывы бомб.
Газету печатают кровь. И боль.
Газету читают ночь. И смерть.
Тем временем в аэропорту
читателей доволн, счастлива позв.
И стоардесса раздает
посадочные талоны. Урал
Тысяча метров.
Бейрут позвонит.
Как приятно!
Бейрут позвонит.
Можно газету починить.
В Бейруте налаживается жизнь.
Как приятно!
И все — о'кей.
Довольны все.
Бейрут позвонит...

...Мнесть с работником АПН Владимиром Парузиным мы направляемся из шумного торгового пригородного района в район города, сейчас бездомный. Вскоре мы оказываемся среди развалин, где у моря поднялись стены разстрелянных, без ветвей, пальм, возвышались полуразрушенные дома. Я вышел из машины. Но тут же услышал голос Володи:

— Сядите в машину, здесь могут быть снайперы.
Мы отправлялись дальше. И снова — развалины, обожженные стены, груды кирпича и перешибленные наполовм стены безжизненных пальм. Когда ты видишь это своими глазами, все представляется тебе во всей драматичности, во всей сложности событий. Бейрут и сейчас активно торгует и даже строится в отдаленных районах. Но безжизненные, опустошенные следы войны остались всюду. В те дни на страницах французского журнала «Монд дипломатик» появилась статья Селма Туркия, в которой говорилось:

«Огромная гибельность ливанцев, их способность путешествовать, перестраиваться, в значительной мере ослабляя удар, который они испытали. Но, конечно, не все сумели так дешево отделаться. Эта война, которую никто не выиграл, которая ни к чему не привела и которая еще не кончилась, дезориентировала целое поколение. В каждом из лагерей значительно увеличилось потребление «сильных» наркотиков. И неутраченные войны необходимо отнестись прежде всего к населению, променяющему на юге от порта Сайды в течение 1970-х годов на вынужденно было раздвигать свои родные края, причем наиболее массовое переселение началось после израильского вторжения на юг Ливана в марте 1978 года. В последние месяцы этот район не только страдает от карательных операций Израиля, но и подвергается систематическим ежедневным бомбардировкам. Сегодня, в то время, когда осталась страна имеет весьма относительную мирную индустрию, юг, покинутый своими жителями, продолжает разрушаться, при этом нет никакого prospecta решения его проблем».

...На другой день Моини Биссу сказал мне:

— Ты приглашен в Бейрутский университет, в зал имени Гамаль Абдель Насера для выступления на митинге, посвященном солидарности с палестинской революцией. Там будут выступать представители Ирана, Кубы, Египта, Ливана, Южного Йемена и, конечно, Палестины.

Когда мы подехали и зал университета, на площади было уже очень много людей, рады палестинских солдат в белых халатах, броне-

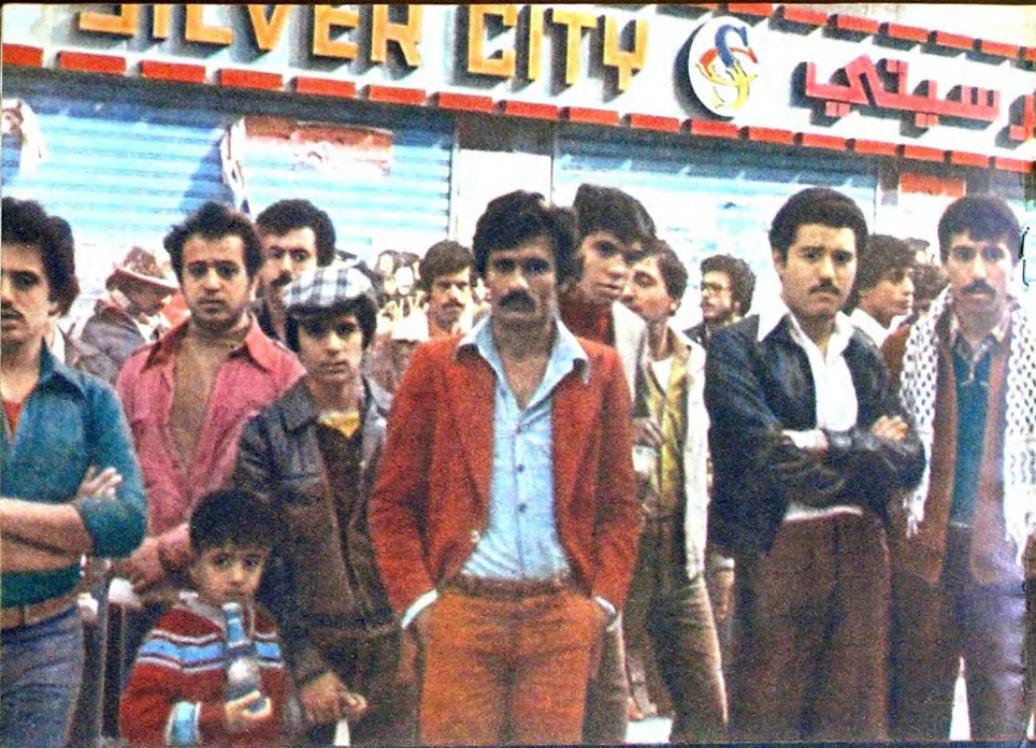
Здесь шли бои. ● В центре Бейрута.

На развороте вкладки: Молодые палестинцы.

На площади перед Бейрутским университетом.

Митинг солидарности с палестинской революцией в зале имени Гамаль Абдель Насера. Выступает египтянка Азза Нага.

موسم الزرع وبيارودها في رمت
SOLIDARITY DAY IS THE DAY
OF THE PALESTINIAN REVOLUTIONARY
THE DAY OF DEFEAT OF RACIST
VISM. P.L.O.

машины с поднятыми в небо пулеметами и пушками. Гремело радио, слышался многоголосье говор. Здесь чувствовалась решимость, мужество, воля к победе. Пробиравшись сквозь тесную толпу, мы вошли в зал, наполненный до отказа молодыми людьми. Вскоре начался митинг. Звучали песни, проносились горячие речи. Но стенографист большой плакет: «Врасская не нужна». В конце — соль земли во время пауты и порох ее во время темноты.

Это были образные слова Ясира Арафата, который как-то сказал: «Кто живет в пору озо — не боится землетрясения».

На сцене поднялся и сказал женщина с распухшими косами. Это была египтянка Лана, жена египетского прогрессивного поэта Ахмада Фунда Нама. Человек, представивший ее, сказал:

— Привет тебе, Египет Абдель Насера.

Девушка читала стихи, стала песню, говорила:

- Арабы поднимаются на борьбу против кемп-дэвидских предательских соглашений, против предательства Саады. Я — египтянка. Мы здесь среди братьев. Я прошу вас, не путайте два понятия: один — это они, а мы — то мы.

С преградами стихами выступил Монн Бессу. А когда в после выступления вернулся на свое место, ко мне протянулись две девушки: одна светловолосая, другая — смуглая. Первая обратилась ко мне на русском языке:

— Мы рады, что я это день вы вместе с нами.

В те дни в бейрутской газете «Ас-Сафир» было опубликовано интервью с премьер-министром Ливана С. Хоссом. В нем говорилось, что кемп-дэвидские соглашения полностью провалились. Он не мог дать Ближнему Востоку прочный и стабильный мир, так как игнорировал палестинскую проблему, отстранил от процесса ближневосточного урегулирования арабский народ Палестины и пытается решить конфликт без решения проблем народов Ближнего Востока. Кемп-дэвидский договор игнорирует и другие страны, и Советский Союз, без которого нельзя решать мировые проблемы.

Недолго, всего три дня, мы были в Бейруте в декабре прошлого года. А в середине января этого года я снова летел в Бейрут по приглашению ливанского Союза писателей на их Первую объединительный съезд. В условиях сложной, запутанной международной ситуации Израйля и ЦРУ обстановки, которая сложилась не только в самом Бейруте, но и во всей стране, литераторы Ливана решили объединить силы, создать единый Союз писателей. Все это было не так просто, небольшая часть ливанских литераторов не поддерживала эту идею, но подавляющее большинство писателей подготовило съезд, открывшийся в одном из отелей Бейрута.

Со съездом ливанских писателей совпало первое заседание новой редколлегии журнала «Лотос». На заседание редколлегии и на съезд ливанских писателей приехали журналисты в настоящее время в Газве южноафриканский писатель Алекс Ла Гума, индийский поэт из Калькутты Шубаш Мукерджи и сенегальский поэт Мамаду Траоре Дюпю.

Нам предстояло утвердить планы работы журнала на ближайшее время. В один из вечеров был устроен прием от имени Ассоциации и журнала «Лотос». Прием посетил Ясир Арафат.

— Я рад видеть вас всех вместе, — сказал Арафат. — Сравнительно недавно я был в Советском Союзе и полон впечатлений от встреч с советскими руководителями. Мы боремся, борьба эта тяжелая, но мы чувствуем поддержку всех народов Азии и Африки, всех прогрессивных людей во всем мире.

За несколько дней до этой встречи, выступая на митинге в лагере палестинских беженцев Айн-Хильва, расположенном неподалеку от города Саада, Ясир Арафат говорил:

«Мужество и стойкость, проявленные палестинцами и ливанскими бойцами на юге Ливана в ответ на сионистскую агрессию, наглядно продемонстрировали, как велико, как трудно и как важно дело Кемп-Дэвида, тщетность и замкнутость покорности с Палестинским движением сопротивления и арабскими освободительными силами. Расширение борьбы палестинского народа, в том числе небывалый ее подъем на оккупированных Иерусалиме, Восточном Иерусалиме, Голанских высотах и в южной части негидравлических соглашений, преследуемая цель свести на нет палестинскую проблему и устоять в борьбе с сионистским государством во всем регионе. Перед ливанской революцией оказалось бессильным даже современное американское оружие, щедро направляемое известным агрессору Соединенным Штатам».

...Обстановка в Бейруте снова обострилась. Люди жили в ожидании каких-то новых событий. По вечерам темно и молочно, ходят по улицам. Было много слухов, слухи, слухи.

Прилетевший в Бейрут из Ливии египетский прогрессивный писатель, наш старый друг Абдаррахман аль-Хамиси сказал:

— Я предлагаю съездить вечером на побережье Средиземного моря в рыбный ресторан, где мы сможем спокойно поговорить о том, что происходит здесь и в других местах.

— А не опасно?

— А что? Сейчас всюду опасно.

— Поехали.

Здесь продают обую.

Новые дома.

Торговые ряды.

Раны Бейрута.

Для меня эта дорога была хорошо знакома. Не один раз в прежние времена мы направлялись по ней в Сауду, Тун, Набатию. Но тогда здесь был еще мир. С двух сторон лежали виноградники и цитрусовые сады. Люди работали в эти сады. Рыбачьи лодки уходили в море. Сейчас же была крошечная толпа, партия, узкие проходы между домами, расползающиеся, анимированные взгляды несомых, сморщенных на номера машин, всматривающихся в лица пассажиров.

И вот мы уже в пустынном рестораничке. Слышен тихий плеск волн. За окнами темнота. Потокусь вечером, а мы предстали еще одна история. Это было лето асааго, мы покинули ресторан. Где-то, совсем близ Бейрута, загремели автоматные выстрелы. Перед нашей машиной проносились трагические пули.

— Здесь снова столкновение, — сказал спокойно Хамиси.

— Мы слышали выстрелы, но мы знаем, что причина перестрелки была не слишком значительной. Столкнулись два автомобиля — водители сдвинулись за пистолеты. В дорожный конфликт вмешалось несколько солдат, принадлежащих к разным политическим группам. Нам из стрелковых подразделений. Также ранен был пассажир.

— После обеда, устроенного в честь делегатов съезда министром просвещения Ливана, мы выходили из ресторана отеля, где все это происходило. Тепло попрощались с председателем Союза писателей Ливана Ахмадом Абу Саадом. Он прожамгал очень и командиром трюма, выходящего на обед с членами своих стюбов. Пост сказал мне:

— Вы из Советского Союза? Мы рады видеть вас здесь, в Бейруте. Мы постоянно чувствуем вашу помощь и вашу дружбу. И я хотел, чтобы вы знали, что еще до вашего приезда я уже писал в «Лотосе», в котором говорил о том, что рабочий класс победит.

Его старческая, сморщенная рука была сильной. Я пожелал ему здоровья. Он улыбнулся и сказал:

— Главное — наша победа.

Окончив съезд во второй половине января, мы мгновенно почувствовали, что прогрессивные и демократические силы в Бейруте и других арабских странах осуждают проамериканскую шумку, поднятую на Западе в связи с событиями в Афганистане. В лице резолюционных стран — США, Израйля, уэльсской Великобритании и Канады — мы увидели истинные силы в их борьбе против капитулянтских проектов ближневосточного урегулирования. Именно поэтому творцы кемп-дэвидской сделки — Вашингтон, Тель-Авив и Каир — взяли на себя последнюю миссию стать законными наместниками американского и командирского влияния в странах — союзниках США, американско-иранский военный альянс, создаваемый под лживым предлогом советского вмешательства в дела Афганистана, нацелен также на то, чтобы нанести удар по национально-освободительному движению на Ближнем и Среднем Востоке и в Южной Азии.

Те же мысли высказывала палестинская газета «Аль-Нахда»:

«Апрельская революция в Афганистане является подлинной революцией, совершенной в интересах народа, в интересах революции, наиболее важными из которых являются аграрная реформа, индустриализация страны, сокращение безработицы, борьба с неграмотностью и другие. Одновременно апрельская революция нанесла сокрушительный удар по феодализму и реакционным элементам Афганистана. Не случайно поэтому, что международный империализм и внутренняя реакция увидели в этой революции серьезную угрозу для себя и с самого начала начали вести переговоры с целью ликвидировать ее и вновь ввести Афганистан в орбиту своего влияния. Для этого они собрали бешавшие в Пакистан феодальные и реакционные афганские элементы, объединили их в военизированные группировки, вооружили и обучили их ведению подрывных действий против законного революционного правительства Афганистана, имея своей конечной целью его свержение.

Донаказательством этому служат то, что афганское правительство не раз демонстрировало образцы оружия американского, западногерманского и китайского производства, захваченного у членов бандаитских антитеррористических группировок, пропавших на территории стран Пакистана».

В настоящее время эти страны развлекли антиновую пропагандистскую кампанию, направленную на то, чтобы опорочить Советский Союз, оказавший народу Афганистана братскую поддержку, и выкинуть его из процесса мирных сил. Однако эта пропаганда шумит и ничего, кроме смеха, вызвать не может. Каждому мыслящему человеку ясно, что она направлена на то, чтобы принизить кризис и советского вмешательства в свое собственное неприкрытое вмешательство во внутренние дела Афганистана».

В эти же дни мы с интересом познакомились с интервью, данным Монном Бессу журналу для женщин «Миства» и опубликованном под заголовком «Бегим — шейх каль-Ахзар». Монн Бессу отдал корреспонденту на несколько вопросов:

— Как вы думаете, что революция — основной источник вдохновения для поэтов? Или вы полагаете, что поэзия движет чувства людей к революции?

— Это единство глубоко диалектично. Поэзия влияет на революцию, и революция, в свою очередь, влияет на поэзию. Я не могу представить себе революцию без поэзии, потому что поэзия — это истинная культура, рожденная революцией.

И подобно тому, как боец зарывает свою винтовку пулями для того, чтобы выстрелить в лицо врагу, поэт зарывает свою винтовку не пулями, конечно, а владениями, своей родины, ее горями, удами, городами, короче говоря, поэт зарывает винтовку свою всей родной патриотизмом.

— Как вы относитесь к поэтам, которые довольствовались Ливаном или же охватом красоты и покинули его беде?

— К большому сожалению, но так спрятал в свое время авторучки и сбежал, сейчас мучится от одной позиции к другой, громко разглашая о высоком литературном и критическом уровне, но когда дело доходит до защиты всего народа на поле битвы, там не найдешь ни их пера, ни слова, ни лица.

Меняем Бегин так сегодня шейхом аль-Аззара. Он выражает соболезнование по поводу того, что было совершено в Афганистане против мослама. Однако сама мечеть была расположена в оккупированном Иерусалеме, а не в Кабуне.

Израильские вооруженные поселения сооружаются сегодня не на афганской земле, а создаются они в секторе Газа, Наблусе и Галилее. По этому поводу я хочу написать стихотворение на броне советского танка на улицах Кабула.

На какой позиции стоят те, кто пишет и читает об этой надуманной проблеме? Им надо бы знать, что народ Афганистана целенком, без ножа и вилок, проглотит тех, кто клеветает на него, кто раздувает шумиху и публикует ворох бумаж. Они выступают псевдогегемонами демократии и свободы. И это официальные чиновники, работающие в центральном аппарате, а не заурядные чиновники.

Мы же в некоторых случаях пытаемся с пенкой у рта слушать краски, отставка свободы и демократии. Все это развывает руки американцев, сионистам и их приспешникам в борьбе против палестинского народа и его революции, а также ливанских национально-патристических сил. Но кто из господ «интервьюеров» и редакторов хотя бы открыл рот или протянул руку для этой революции!

Некоторые поэты напоминают ловцов сардин на побережье моря. Они не способны противостоять той или иной системе. Прежде чем покинуть собственный невод, они сами оказываются в той или иной ловушке развешенной сети. Одна перед этим, они успевают раскрыть строки стихотворения и стать словами свободы и демократии.

...Последний вечер в Бейруте. Мы поднялись в уже знакомую мне приемная жена Сааба, сын покойного Тауфика и дочка Малкиа. Мони Бесу был взволнован. Он сказал нам:

— Будет Ясир Арафат.

И действительно, вскоре раздался звонок, и в комнату вошел Ясир Арафат. Он сердечно поздоровался с нами,сел возле низенького столика и сразу начал говорить:

— Мы, конечно, сейчас озабочены тем, что положение в Бейруте, да и на юге Ливана, осложнилось. Ожидается нападение Израиля на юг Ливана и, конечно, израильские провокации в других местах.

Арафат покачал, затем продолжил:

— Конечно, это уже было здесь. Пройдет и это. Но на палестинские воиска падает особая ответственность.

Снова раздался звонок в дверь. Вошел человек в полувоенной форме. Арафат поднялся, вышел с ним в переднюю. Затем вернулся и сказал:

— Извините, но, как видите, положение не простое. Я даже с вами не смогу быть все время.

Мони Бесу представил Арафату своих гостей.

— Это Шубуш Мукерджи, он прилетел в Бейрут в очень хорошем настроении в связи с победой Индиры ганди на выборах.

— Да, это действительно большая победа Индиры ганди, — сказал Арафат. — Она удостоивает нас как Индийский народ поддерживает палестинцев, идет вместе с нами, и мы это хорошо чувствуем.

Говорил Мони Бесу:

— Я хочу сказать своим друзьям — кто же там палестинцы! Мы лишены своей земли, живая раса, живые люди, а вы говорите о другом земафт. Но мы — единое целое. И символом наших борьбы является Арафат. Он не только вождь палестинцев, но и поэт, ибо палестинская революция — это поэзия.

Обычно хмурый в последние время, не умеющий скрыть печаль и горючую думу о Египте, Абдрахман аль-Хамми как бы продолжил слова Бесу:

— Это действительно так. Все мы и то, кто живет на своих землях, и такие изгнанные ее, каким являюсь я, египетский поэт,— мы все крохотка и сердцем с палестинской революцией, со всем тем, что объединяет и объединяет нас.

— Моя родина — Пакистан, — сказал Фаиз Ахмад Фаиз, — но я не могу сейчас жить там. Здесь же, в Бейруте, работаю вместе с арабами, я чувствую прилив новых сил. Я верю в то, что будет свободной и моя родина — Пакистан. Я верю в то, что и не произойдет — это время.

Каждое утро пролетало говорил Алекс. Ла Туам:

— Я сам южноафриканец, но не могу жить на своей родной земле. Поэтому для нас особенно важен пример Палестины. Она подает всем народам пример борьбы с империализмом, всем людям в Африке, Латинской Америке. Все видит, поддерживает и понимает борьбу палестинского народа. Поэтому эта борьба все больше объединяет и заставляет все больше серьезно относиться ко всему, что происходит на арабских землях.

Мы вспоминаем все, что чувствовали, и были глубоко взволнованы дружеской встречей с Ясиром Арафатом.

...Раздался снова звонок. Арафат, сидевший в это время с дочкой Мона Малкиа, поднялся:

— Извините, но, и сожаление, я должен попрощаться с вами. Наступает ночь, время моей работы.

Он расцеловался с каждым из нас, крепко пожал руки и ушел.

И вступил Сааба, жена Мони, сказала:

— Я ведь знаю его уже лет. Еще на Варшавском конгрессе мира мы встретились с Арафатом.

В комнату вернулись Мони.

— Ясир Арафат впервые посетил мою дом. Он высоко оценивает огромную работу писателям стран Азии и Африки в борьбе за свободу и независимость.

...С таким-то особым чувством возвращался я на тот раз из Бейрута в Москву. Все было словно так, все переплелось. Поздней оставил многогранные ливанскую сторону еще идет ищет ищет ищет ищет ищет ищет. Но и за это короткий срок мы снова увидели тех, кто сражается не на словах, а в залете с врагами свободы арабских народов.

Они победят!

Наталья МУРАШКО, культуртрекник колхоза имени Гастелло

Когда мои девушки появляются на сцене, словно солнышко всходит. До чего ж хорошо: крепкие, румяные, веселые... Лущаю все! Честное слово, на областных смотрел все коллективы Бунашова в зал, чтобы поглядеть на наш хор. Конечно, вы можете сказать, что я преувеличиваю, сами просто хвалю. Ничуть! Надано в нашем колхозе была иностранная делегация, так она пожила дама, худенькая такая, с фотоаппаратом, зашла на нашу репетицию, посмотрела, послушала, а потом подошла к солистке и даже потрогала до нее, будто хотела убедиться, наяву ли она.

Ну, а если по порядку о себе рассказывать, то мне тридцать три года, а поздаи уже тридцать лет работа в сельской, удюженственной самостоятельности. И начала мы ее с мужем не в этом большом колхозе-миллионере, в несельской милимердах от Минска, а на Полесье, как говорят, в глуши, в районном Доме культуры. С той поры и по сей день наши обязанности так и раздвинулись: муж — директор ДК, я — организатор и руководитель хора. Оба мы закончили музыкальное училище.

Не скажу, что были легкими, благополучными первые годы нашей с Игорем совместной жизни и работы. Негде было жить, с двумя маленькими детьми перебрались из дома в дом, таскали их за собой на все репетиции и концерты: оставить-то не с кем. Никогда не забуду — выступаем мы как-то на полеводном стане, вдруг серце замирает: вижу, мой синок прямо ко мне марширует, за юбку хватается: «Маманя, иди — чего скажу!» И смех и грех.

К тому же известно: одно дело — учеба, другое — практика. На своем опыте пришлось убедиться, что талантливостью в какой-либо области — одно, и совсем другое — передать свое умение людям, научить их, помочь, а в нашем деле — еще и вызвать скрытые творческие резервы: они ведь есть в каждом человеке. Вот эти пять лет на Полесье стали для нас первыми, продолжением учебы. Только теперь мы учились у самой жизни, у людей.

Может, поэтому именно нам предложили работать в Дворце культуры, только что отстроенный колхозом имени Гастелло. Тогда, в 1972 году, председателем был

Василий Павлович Шамский, человек крутой, но очень приверасный. Он сказал: «Мы нужны мне практиканы и выпускники. Новый дворцом должны управлять люди искусные, способные быстро наладить работу. В общем, в феврале мы приехали, а уже в мае наши первые самодеятельные коллективы дали первый концерт и вскоре стали лауреатами областного смотра».

Мы получили здесь трехкомнатную квартиру в новом двухэтажном каменном доме (таким образом в колхозе). И это для меня явилось решающим доводом в пользу переезда. Почему говорю о столь «прозаичных» вещах? Потому что, многие, очень многие творцы терпят прекрасных работников только лишь из-за того, что мало заработали или из-за устройства, а бытовых условий. А ведь ныне культуртрекники на селе — человек далеко не последний. К нам недавно отдел культуры прислал методиста Марину Наседкину; девушка, отличная окончила институт культуры, много и успешно работает, а жает в общечинской сельхозтехникуме, которое и так переполнено. И еще, как-то трудом ее удалось эту-то кошку добыть. Ну, предлоги сейчас еще другую работу с квартирой, — ведь у людей! И рожать, как-то образом эту вечную проблему в конце концов надо. Почти посеместная беда.

...Стршно нам было на первых порах. Мы жили в новом доме. Но пренем месте мы все под колом, люди рядом, детса и дом, кроме клуба, некуда. А в колхоз имени Гастелло входит несколько деревень, да еще и город совсем близко — столица! Много местных ребят работает на минских заводах, учится в институтах. В общем, сомневался я, буду ли к нам ходить. У людей и так дел по горло, а в Минске театры, кино, да потом и здесь в каждом доме телевизоры. Не вышло, что больше направо. Охотно, увлеченно пошла молодежь в свои новые, красивые дворцы. Я в хор набрала шестидесять человек. И не только из Сенцы — центральная деревня колхоза, где дощатое находится, но еще из пяти деревень стали ходить. Автобусом приезжают, а чаще пешком: 4—5 километров. Меня одна дворца корила: «Дочка за месяц новые сапоги носила!» И никуда не пошла. В Миньинки, например, весь день в сапогу. Утром в школу, а она в Сенце тоже, потом идешь домой делать уроки — и обратно — во дворец на репетицию.

Обманывать не стану: в самостоятельности участвует в основном молодежь, дети колхозников. С старыми поколениями больше любил на концерты ходить (за исключением ребят) да applaudовать. Встают за день на фермах, на полях, к тому же дома возмущаются: «Зачем вы идете туда? Старые люди приходят на репетиции гулять. Час позанимаясь с нами, глядишь, сидит моя пелузня, взгляда

По-разному начиналась дорога каждого из советских космонавтов к звездам. Путь дважды Героя Советского Союза Героя Тимофея Чацкого, депутата Верховного Совета СССР, начальника Центра подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина, генерал-лейтенанта авиации, начался на фронте Великой Отечественной войны, в боях с фашистами.

В отряд космонавтов он пришел в 1964 году, когда ему уже семь сорок четвертый год. Пришел, имея за плечами шестидесятилетний опыт испытания, в чисе раннее — около тысячи лет боевых боев.

В одной из боевых характеристик Г. Т. Берегового сказано: «В должности командира авиационной эскадрильи — с сентября 1943 года. За этот период эскадрилья совершила 483 успешных боевых вылета. Ее самолеты уничтожили 92 танка, 418 повозок, 18 бензоцистерн, 22 артиллерийских орудия, создано 15 очагов пожара».

Летчик Береговой в годы войны провел 186 боевых вылетов на самолетах-штурмовиках ИЛ-2, 132 раза он был в боях группы от 6 до 18 самолетов. В годы войны он стал Героем Советского Союза, за боевые операции был награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Александра Невского, Богдана Хмельницкого и многими медалями.

В кадре 35-летия великой Победы нашего народа корреспондент «Огонька» Вадим ЛЕБОВСКИЙ встретился с Г. Т. БЕРЕГОВЫМ.

«ВОЙНА КОСМОНАВТИКИ»

— Георгий Тимофейевич, вы старейшина наших космонавтов и сейчас с тем наивысшим уважением, который свойственен прошедшей войне. Вы променяли большую жизнь в авиации, и потому является вполне логичным ваше прихождение в космонавтику. А как вы стали летчиком?

— Здесь не было ничего случайного. Семья наша жила в небольшом добасском городе Енакиеве. Вспомню брат Виктор работал инструктором в аэроklubе. А в аэроklubе тогда служил друг наших семей Василий Алексеевич Зарывалов. Сам понимаете, о чем больше всего говорили в нашем доме. Немудруно, что уже в раннем возрасте я много читал об истории русской авиации, о ее настоящем и будущем, о самолетах, летчиках. Да время-то было какое! У всех на устах — имена Чкалова и Героев червонской эпохи.

В школьном авиамодельном кружке строил я планы, причем летом во время каникул меня посылали в близлежащие пионерские лагеря делиться опытом. В общем, принимать мне любовь к небу не пришлось. Все получилось как бы само по себе, естественно, обдуманно. Так поначалу я пришел в аэроklub. В 1938 году поступил в Ворошиловградскую школу военных летчиков. В 16 декабря я прибыл в Ворошиловград. Направлялся в училище, но вокзалом услышал по радио: «Вчера при испытании самолета разбился Валерий Чкалов». Там и осталась в моей жизни эта дата как начало личной жизни биографии. И вот вероломное нападение фашистов...

— Я как раз только-только окончила училище, летал на бомбардировщиках. 25 июня был направлен в действующую армию. Нашу авиационную несколько раз перебазировали с одного аэродрома на другой. Летал на бомбардировщиках ББ-22. Потом, как оказалось, окончательно, на всю войну, сел за штурвал Бро-

нированного штурмовика ИЛ-2. Лил январь сорок второго года. Я был назначен на Калининский фронт.

— Когда вы получили первую боевую награду?

— Тот же фронт, на Калининском фронте. Мы штурмовали гитлеровские колонны. Однажды был получен приказ уничтожить эшелон на участке Великие Луки — Ржев, в районе станции Неплюдово. Шелся с танками и артиллерией пылью под откос. На следующий день мне вручили орден Красного Знамени.

Притом это был первый полет после того, как пять дней раньше я был сбит при атаке также вражеского эшелона. Пришлось тогда совершить посадку на густой лес — другого выхода не было. При этом самолет весь развалился, я же уцелел и четыре дня добирался до своего аэродрома.

— В дальнейшем вас сбивали самолеты?

— Да, дважды. А сколько раз в самолеты мои попадали пули и снаряды — этого не считал.

Второй раз сбивали меня под Белгородом. Случилось тогда вот что. На нашем участке фронта появились новые истребители «Лавочкины», которые были очень похожи на немецкие «фоккер-вулфы»-190.

После нанесения удара я собирался возвращаться на аэродром и набиралю высоту. Видимость из-за дыма, как обычно, снижалась, но мне все же удалось разгадать справа и слева от себя два пестрых фюзеляжа. «Ну, порядок», — подумал, — прикрывте их метелью. И только успел так подумать, как самолет horribly трянуло, и он загорелся.

Уверившись от второго «фоккера», я направил машину и линию фронта. Одна мысль сверлила сознание: «Только бы дотянуть до линии, а там уж пригнать».

Самолет успел, как кабана в дыму, а сзади, слыш, стонет мой стрелок-радист Пята Афанасьевич. У него горят сапоги и начал тлеть ранец парашюта. Вот-вот могг

завратиться бык с горючих. В общем, я сомневался: «Пригнать, Пяташка И прыгнул сам. Почти одновременно с хлопком парашюта услышал сверху оглушительный взрыв — мой самолет».

Приземлился мы с Петром рядом, на нейтральной полосе, не дотянув нескольких сотен метров до своего. Тут, пулеметная стрельба, шум саней над головами. Видны и слышны — немцы стали к нам из минимотов пристреливаться. Все было разным мином. Мы залегли в распутичье, но дышак. Все, думаю, сейчас накроют.

И тут уцелели: вылезла по уздам, крупным зигзагом, чтобы не дать немцам к себе пристреливаться, к нам на полном ходу мчит «виллиси». Не доходя сотни метров, остановился в луже. Из залегших в распутичье, огромных размеров старшина-танкист, подбежал к нам, мы оттащили Пятаку к машине и понеслись. Позже я узнал фамилию старшины — Ра-

Дошла очередь до меня. И тут, чуть-чуть, волнуясь, как ни в одном бое. Обсуждение было недолгим: война на все накладывала свой отпечаток. Возражений против моей кандидатуры не было. Вскоре решение первачной партийной организации было утверждено парткомом дивизии.

— Однажды в беседе с человеком, который был в бон прошлой с вами значительную часть войны. Там вот, генерал Кумисов говорил мне, что все утася войны, гибель друзей, невероятные перелеты, в которых вы многократно бывали и всякий раз чудом оставались живыми — что все это вас никуда совершенно не выбило из равновесия, не путало...

— Вы хотите спросить, знамо ли мне что-то страшно? Конечно. Если и бывает бесстрашие — подчеркиваю: в буквальном смысле этого слова, — в моем понимании оно сродни бесщастливости. А бесщастливому ничего не стоит погубить задором и себя и других. Важно другое — уметь всега.

цин Федор Колосевич. К сожалению, больше с ним увидится мне не удалось, он погиб вскоре после войны.

— И вот вы у свох. Снова в бою?

— Конечно. Там, на Курской дуге, мы делали то несколько вылетов в день. Нередко перерывы между ними были по двадцать — тридцать минут. Порой мы даже не помнили, кабы полет самобет заправлялся и снаряжался боеприпасами. И снова взлетали.

Особенно тяжелые бои проходили в районе Томаровки, где гитлеровцы проводили мощный контрудар. Подлетать к Томаровке и еще за много километров до цели видеть сплошное черное облако, подсаженное десятками сотнями всплещи. И ты нырнешь туда. Почти вслепую.

— Вы тогда были командиром эскадрильи?

— Нет, заместителем. До того дня, когда погиб мой командир Березов. Мы получили тогда приказ нанести удар по участку между Ахтыркой и Богодузовом. Первую шестерку Илов вел Березов, я — другую. Спикировали, нанесли удар. Нас встретили невероятной силы ооны.

Когда развернулись и стали собираться в группу, выискиваясь, как в мой шестерке сбито четверо, у Березова три самолета, в том числе и машина самого командира. В дыму и пугу было никто из нас уцелевших, не видел, как они исчез. И никому из экипажей сбитых машин не удалось спастись. Мы вступили в партию на фронте!

— Да, на Курской дуге. Все в деталях помню. Это было, когда я вернулся из последнего в тот день вылета.

Присутствовал все летный состав полка. Комиссар Иван Тимофейевич Сотников рассказал о текущей обстановке на нашем участке фронта, о предстоящих задачах. Затем достал из папки несколько записок.

Такии был Г. Т. Береговой на фронте.

даже в критическую минуту, не потерять способность мыслить трезво и молниеносно, уметь действовать раскрепощенно, мобилизовать в нужный момент знания, опыт, интуицию. Я так понимаю «бесстрашие».

— Но как быть спокойным и хладнокровным в критическую минуту? Возможно ли такое?

— Невозможно и недопустимо. Особенно в штурмовой или штурмовой. Я узнавал летчиков, погибших именно из-за легкомысленности характера.

— Может быть, эта раскован-

ВЕЛИКОЕ ПИСЬМО

«Только бы победить и встретиться с тобой. Во многих письмах, что пришла в адрес «Летописи Великой Отечественной», есть такие строки. Строки о любви, о верности, о надежде на встречу с самым дорогим человеком. Сколько в этих военных прописках людей свою нежность, преданность любимым. И это тоже было подвигом, подаяном души и сердцем — ждать пропавших без вести, верить, что они живы и что встреча обязательно будет.

Зоя Николаевна Вартамова и Милля Николаевна Селюкова познакомились в 1936 году, а 31 декабря 1940 года они поженились. В мае сорок первого полка, где служил лейтенант Селюков, выпускник Подольского артиллерийского училища, выехал в летние лагеря на нашей западной границе. Палатки стояли в полтора километра от нее. В ночь на 22 июня и лейтенанту приехали жена и мать, а в 4 часа 30 минут начались обстрел и бомбежка. Женщин отравили на зимние квартиры, а Селюков и его товарищи вступили в бой. Вечером 22 июня ему удалось послать коротенькую записку жене и матери.

Следующее письмо от мужа Зои Николаевны получит только через полтора года. Вот оно.

7.11.42 г.

Здравствуй, моя дорогая Зока! Сегодня такой великий день, а мы не можем вместе опраздновать, ты обо мне ничего не знаешь, и я не уверен, что увидеть смогу тебя в живых.

Уже 15 дней, как нахожусь на территории, освобожденной от немцев, а ровно 16 месяцев был глубоко в тылу врага и уничтожал такую нежность, которая топала советскую землю.

Как wraz с мамой проводила, что сразу же через три дня скончалась с фашистами, а 27-го между Брестом и Вильновою была ранен. 29-го вторично. В руки им даваться не хотелось, все же рассчитывал жить и быть полезным для Родины... Не теряя надежды перейти через фронт.

22 июня недалеко от Орши наскочил на карательный отряд и вместе с мирными жителями был взят. 20 сентября 1941 г. бежал в Брест-Литовск. С наступлением весны вышел в партизаны и вот до сих пор действовал против гитлеровцев, полиции и против человека. Когда я находился глубоко в тылу врага, то моей мечтой было: «Только ступить на освобожденную территорию». А вот сейчас повзрослела другая мечта — быть хоть один день с тобой, обнять и тогда снова идти куда угодно, на какое угодно задание.

В скором времени могу назначена в часть или в тыл врага на работу. Получил новое звание — капитан.

Все же странно устроена жизнь человека. Когда я находился глубоко в тылу врага, то моей мечтой было: «Только ступить на освобожденную территорию». А вот сейчас повзрослела другая мечта — быть хоть один день с тобой, обнять и тогда снова идти куда угодно, на какое угодно задание.

Впереди еще много испытаний, страданий и неопределенности. Как удастся пройти этот сложный путь? Удастся ли выжить живым?

Хорошо, что я тебе сообщил — жни это время хотя и у врага, но в пользу его, а проща, выполняю свой долг перед Родиной.

Прощай, моя милая Зока! Твоя Милля Николаевна тебя не забывает и, пока живет, всегда будет помнить.

9.5.44. Милые мои Зока и Сережка!

Скоро будет три года, как мы, Зока, живем надеждой на скорую встречу. Видимо, если придется вновь встретиться, то сначала с матерью поведет на футбол. Какой он наш Сережка! Пришли хоть как-нибудь фотографию.

У меня здесь жизнь идет «вселен». Фронт сегодня, например, задал такой концерт, что стены ходили ходуном. Я дал ответный дуэт, и пока все смолкло.

Вот уже глубокая ночь, луна только заплыла, и вспоминаются те милые денки, когда мы были вместе.

Ну, спокойной ночи, а мне караулить фрица — мы с ним соседи (1 км), конечно, охотится друг за другом.

Целую крепко. Твоя М.

30.5.44. Родная моя! Получил горестное для нас известие, оно как гром свалилось на нас. До сих пор я не могу прийти в себя. Неужели у нас больше нет нашего милого Сережки?

Мне не хочется даже верить. Значит, теперь, если меня убьют, то уже ничего не останется наследила Селюковых и Варламовых. У меня все из рук валится. Ничего не могу делать и только с каждой минутой увеличивается любовь на эту войну.

Не отчаивайся, Зока. Только одно прошу: не забывай Миллю, а я всегда любил и люблю твою Зоку.

Береги себя, тогда и сын у нас будет, но инородно мы сможем сберечь и вырастить.

Целую крепко. Всегда твоя М. 8.VIII.44 г. Милочка, любимый! У нас сегодня лампа горит, так я и радуюсь, что хоть пещерой можно попользоваться, да и с тобой поговорить. А керосину чуть-чуть, на донышке. А так поспит хочется, спит так, что хочется, чтобы ты была тут, рядом. Ты знаешь, что я сейчас читаю? Горького «Детство». И снова и снова восхищаюсь его отточенным языком, его знанием всего. Господи, как хорошо пишу

наши русские писатели! Вот полюби, родной, ты тоже будешь все переживать, ведь классиков наших можно читать без конца, и поможешь еще лучше всю красоту их произведений.

Письмо хотя покажет, ведь беспокоюсь. Зока.

8.VIII.44. Мой родной! У нас дождь, ветер, холод — фронт! Пальто все еще шьется, и я заблужу в крохотной жакеточке.

О тебе думаю все дни. Милка, любимый, хороший! Люблю тебя! Не забывай это.

Много читаю Маяковского, о Маяковском, о Блоке, о моем любимом Пастернаке.

Береги себя, мое солнышко! Как хочется обнять тебя крепко, крепко. Ты и я — мы такой сильной, черномыслий, так хорошо с тобой.

Вот предстоит, ну тогда закончат! Зависимость будет. Поминать, как нас считали за брата с сестрой? И мы ходили дружно, и мне всегда было радостно за тебя.

Крепко целую. Твоя жена Зока. 8.8.44 г. Родная моя, славная Зока!

Сегодня исполнилось 8 лет нашей дружбы! Теперь я нахожусь далеко, далеко, в глубокой Польше, вблизи от Варшавы. Но как ни велико расстояние, а любовь к тебе с каждым днем все больше и сильнее. Такую дружбу, как наша, можно редко встретить. 8 лет назад я встретил мою милую девочку, и как дорога она стала для меня. И вот теперь, когда я стал солдатом, борющимся за освобождение Родины, эта девочка милка, всеми любимая, стала матерью, женой и другом моим.

Годы тяжелой работы, тяжелые годы испытаний не только не отдалили нас, а, наоборот, еще больше сблизили, сроднили. Многие могут завидовать нам. В боях за г. Брест-Литовск я имею благодарность Верховного Главнокомандующего.

Много пишу я, Зока, но это не значит, что любовь моя уменьшается, наоборот. Знай, что Милка всегда и везде только с Зоикой своей.

Целую крепко. Всегда твой друг муж Милка.

26.VIII.44. Милый мой, здравствуй!

Лазуэт кончается, как жалость! Занятия у нас начнутся с сентября. Я упростила для меня только пятые классы. Останется время на библиотеку, на подготовку к госэкзаменам.

В библиотеке у меня ничего стало, уютно. Развела я везде портреты писателей.

Роденький мой, знаешь, у меня каждый день бывает такое состояние: вот пойду куда-нибудь и думаю: «Фронт! Он приехал, сидит, ждет меня». И так учую себя в этом, что бегу, как сумасшедшая, дорожку не замечаю. Бегу и боюсь, что ты поможешь меня встретить, и мы разойдемся доброй. Ох, Милка, до чего же может фантазия разгуляться!

Я занимаюсь изучением трудов Белинского, огромной тиражировать нужно ослышать, но моего желания и терпения хватит.

Солнышко мое, давай же, так холодно, далеко, в глубокой Польше — без тебя! «Скоро будем вместе» — это ты говоришь. Все это я знаю, но как тебе надо ждать этого «скоро!» «Вместе» — какое замечательное слово, правда?

«Будем вместе, милый, вместе! Знаю все, что мы родимся — это Алмазона. Я еще больше люблю ее за стихи, так прекрасно выраженные во состоянии.

А тебя, милый, люблю, люблю за богатый внутренний мир, который дал мне за то, что толкаешь меня вперед, не даешь погрузиться в пустоту и безличную жизнь.

Обнимаю и целую. Всегда твоя.

4.9.44. Любимая моя Зока, здравствуй! Очень и очень благодарен тебе за все твоё внимание, любовь. Ветер такой теплотой. Я терплю тебя, Зока! Я у Варшавы, на переднем крае. Каждый метр приходится брать с боем. Пишу из глубины окопа, на поверхности сейчас пока вылезать нельзя — без из пульметов, минометов, орудий, да еще «мессер» приближаются.

В общем, фронт не хочет отдавать Варшаву, но мы все равно ее скоро возьмем! Буду жить, приеду, и тогда тебе придется потрудиться, чтобы образовать меня.

СЯ С ТОБОЙ

Целую крепко. Всегда твой
Милка

26.VIII.44. Милый мой!
Каждый раз, как начинаю пи-
сать тебе, то мне хочется найти то
слово, которое бы все сказала,
хочется по-новому сказать о любви
своей: «Как война и жаро сава
мастерская! Подходящее откуда
взяло?»

Я тебя заблудил, ты будешь
уверен в моей чрезвычайной пылкости
и еще разлюбишь, чего доброго...
Тогда ведь меня сначала, потому
что ты и я живу только мыслями
твоем возвращении, о любви
твоей, о спокойной хорошей жизни
(сесточка, как я устала все-таки!).

Мила, ты ведь друг мне? Так
вот, по-дружески прошу твоей по-
мощи (помощи, ты говорила, чтобы
я обо всем говорила, что меня вол-

нов, верность и настоящая чело-
веческая дружба оберегают меня.
Целую крепко мое любимую
дорогую Зоку.

Твой муж,

8.IX.44.

«Единственной целью жизни
стало ожидание почти, и вся энергия
уходила на то, чтобы найти в себе
самом достояние».

Ромен Роллан

Как все это точно, милый Един-
ственный мой, родной!

Пришло письмо от Галки и в
нем 2 тонны открыток. Они еще
рад заблудил меня в силе твоей
любви. Так мне все это вспомина-
лось: пастка, хмурый Вовка,
твои ласковые руки, как мы лели
пески, лазили за черешкуй. Гос-
поди, как хорошо, что нас «взнес-

разлука с тобой не лишила живо-
сти характера и чистоты чувств к
тебе. Любовь к тебе не дает мне
погрязнуть в обывательщине и
ещиществу.

Теперь радуют мои письма? Я не
лапуста пишу? Да, ответ же,
удален! Напиши мне, за что ты
меня любишь. Свдь и пиши, мне
это очень важно знать.

Твоя Зоа.

15.IX.44.

Милый мой!

У нас так холодно, что слышу
писать тебе, мое солнышко. Сразу
как-то теплее на душе. 17-го тебе
будет 26 лет. Старикашка!

Мама напорошила мне на кар-
тах письмо и радость. И на тебя
разложилась—хлопоты, кака-то бу-
мага и повешение по службе.
А я обложилась методиками по
русскому и литературе, да еще
Горький...

Мама прочитет мне скорою
встречу с тобой, чуть ли ты уже
не в дороге. Уж это мечта!

Ты, мой родной, будь, пожалуйста,
осторожнее. Просто мыслить бы
стало, если бы у меня и верилась,
чтобы произошло все благополучно.

Но я так ВЕРЮ в наше будущее
счастье. У меня сейчас страшно так
бывает: проснись ночью, и никак

друзьбу. Не мастер я в этих эпи-
свинках.

Только что кончился налет. Мой
блиндаж выдержал. Чуть-чуть по-
чирпало мне правую руку, а по-
этому пишу так же, как всегда.
Твой друг и любящий муж Милка.

27.IX.44.

Как я рада, что мой муж оказа-
лся таким человеком, который
нужен мне: чтобы слушался меня
(ха-ха! Я же еще эгоистка!), чтобы
поругал, когда следует, чтобы лю-
бил, как и (это, мне кажется, есть
с избытком), чтобы воспитал меня
в своей душе. Мне кажется, по-
следнее ты сможешь с исполком.
Так долго находилась в стрессной,
опасной обстановке, она наложила
своего отвешака на твой характер.
Ты стал тверже, серьезнее, умнее—
я преклоняюсь перед твоим пре-
восходством, товарищ командир!
А теперь приказывай—все исполно.

31.10.44.

Милый мой, родная Зока,
здравствуй!
Чем больше дней разлуки, тем
ближе и родней становиться ты.
Твои мысли настолько жежными,
что если бы я уже при смерти был,
то и тогда бы улыбнулся счастли-
вой улыбкой и умер бы с тобой
улыбаясь.

Но, Зока, ты не пугайся, я вовсе
не намерен умирать, а наоборот,
думаю жить так, как никогда еще
не жил.

Главная задача—зайти на тер-
риторию Германии, дать почувст-
вовать всем этим фашистам га-
дам, что такое русский, и войну
можно кончать.

Твоя Милка.

21.11.44.

Милый мой родная Зока!
Не думай за сонном тумане, тем-
ная ночь, а я сижу за столиком в
своей земляночке и слушаю кон-
церт для фронта. Заиграли танц-
музыку, и когда я услышала «Мон-
тангину», то невольно представил
Клавву, патефон и печь, на кото-
рой вы втроем так удобно устраи-
вались.

А поминишь, как ты трясла меня,
когда я спал и на тебе вела «на-
ступление» коровы! Да разве
можно забыть те дни!
Вот заиграли «Под крышами Па-
рижа», Эх, и музыка! После этого
не хочется даже и думать, что
идет война.

В скором времени придется
вступить в самую жестокую битву,
и если уж из нее выйдешь целым,
то, значит, вернись, и опять по-
вторится неповторимые дни.

Крепко целую. Твоя Милка.
Сегодня я как именинник. Почта-
льон принес твоё письмо, еще
через какие-нибудь полчаса вы-
звонит штаб и стали подвешивать
с правительственной наградой—
орденом Александра Невского.
Но успев выйти, как объяснил:
привет имениннику «Сельва» —
по Чехову! Так весь вечер был
днем радости.

Зока, родная, не обмань на
мои грубости. Это не Милка твой
писал, а истраждавшая душа
солдата по любимой подруге.

Спокойной ночи, моя любимая
единственная Зока!

Поздравляю, мое солнышко!
Только, дорогой, очень прошу, без

Зоа Николаевна Селюкова. Снимок 1941 года.

Милый Николаевна Селюкова. Май 45-го, на Эльбе.

чет и смущает?). Я прошу, чтобы
ты поругал меня, что ли, полюбил.
У меня совсем нет сил на то,
что я, а ведь я должна держаться
теперь, ведь ученица я жила.

6.9.44. Любимая моя родная
Зока!

Для меня сегодня большой радост-
ный день— сразу четыре
письма твоих. Зока, милая, как
много я благодарен за твою лю-
бовь! Сколько безрадостных дней
проходит, и как только получено
от тебя письмо, то сразу изменяет
себя кругом. Весело и хорошо
на душе, и так же, как ты, я начи-
наю скучать с ума от радости.

Перед тем, как прийти твоим
письмам, меня прикрыло от разры-
ния слезада землей и легко ра-
нило. Но только увидела твои ми-
лые строки, всю боль как рукой
сняло.

Живу, Зока, только для того,
чтобы встретиться, обнять тебя, и
тогда уж что угодно случится.
Люди со мной вместе живут и по-
гибают на глазах, а от меня все
отбивается. Это значит, твою лю-

лю тогда с Сашкой на велосипеле.
А вот не приходишь бы, и ты знаешь,
как все обещано! Да нет, ко-
нечно! Не будь этой пастки, было
бы другое, но все равно были бы
вместе с тобой.

Русская мудрая пословица гово-
рит: суженого конем не обидеть.

А ведь ты бежала от меня, поминишь,
чертенок? И красная— испонка-ка.
Так это все ясно в пакети, как хо-
рошо было. А в кино были с Гал-
кой на «Кондиате», ты дознала
меня, и ходили по улицам, дер-
жались за один портфель, сидели
где-то в тумане, на сырой лавоч-
ке... А зимой ушли морозом (не-
удобно, видите ли, шапку надеть,
надо пофорсить в фуражке, это в
сорок-то градусов морозом!). И все-
таки чудесные, а лето, эх, шалаш,
кором, которая я всегда боялась.
Разве все переключил! Вся жизнь
связана с тобой, и это так замеча-
тельно.

Если бы кто-нибудь прочел это
письмо, сказал бы: «Какая она ду-
рочка!» Ну и пусть! Я рада, что
никакие испытания и трудности,

не могу больше уснуть, читаю, чи-
таю, а сама жужу— вот заскрипит
калитка, стук в дверь— и ты захо-
дишь. Ты, ты, ты... Без конца, все
дни.

Твоя Зоа.

22.9.44.

Любимая моя, родная Зока!
Бесконечно рад: сразу три пись-
ма, но знаю, как описать мою ра-
дость. Показалось, что это не
письма, а ты сидишь со мной на
кочке в блиндаже и мы вспоми-
наем о прошлом после долгой
разлуки.

Ничто не получает таких писем,
какие приходят мне, и поэтому я
еще и тебе тысячу раз радуюсь,
как ребенок.

Ты чудная Зока, спрашиваешь,
за что я тебя люблю! Просто те-
бе даже. Не приходилось по-
другому любить, а люблю я тебя,
Зока, всем своим существом, ду-
шой. Люблю, Зока, за все прош-
лое, за твою искреннюю любовь
ко мне, за простую челоуковскую

А. Васильев, Род. 1911. ПОРТРЕТ СЫНА, 1978.

XIV выставка произведений членов Академии Художеств СССР.

Д. Налбандян. Род. 1906. НАТЮРМОРТ. «ПИОНЫ», 1978.

XIV выставка произведений членов Академии художеств СССР.

ПОСЛЕВОЙННЫЕ ДНИ

Стужи на фронте рождались как письма, в переделах между боями. Они шли как войны в долгожданных солдатских треугольничках, а то и просто читались автором соседу по окопу или траншею. Добрые люди хранили эти стихи как реликвию, а после победы стали с благодарностью возвращать их автору.

Так создавались циклы стихов Владимира Жюкова, составлявшие поэтические книги, читая которые ощущалась горький прикус жестоких военных лет.

Мы встретились с известным советским поэтом Владимиром Жюковым в дни его шестидесятилетия в его родном городе Иваново. Он автор книг «На уровне сердца», «Плоторожная» и многих других, получивших признание. А за сборник стихов «Иволга» автор был удостоен Государственной премии РСФСР имени М. Горького.

В его скромном рабочем кабинете многое напоминает о молодости поэта. Особое внимание привлекают редкие фотографии друзей юности — погибшего на войне поэта Николая Майорова и портрет самого Владимира Жюкова, выполненный художником Николаем Шеберстовым. На портрете — молодой человек с русоволосой лейтенантской шапкой боевыми орденами на гимнастерке. В глазах — боль и сверлящая уста — память «мернобоного» войны и радость вернувшегося домой солдата...

Именно этот двадцатипятилетний Владимир Жюков, бывший командир пулеметного взвода, смог в те дни написать редкие по напряженности и трагизму стихи:

С железных рукоятей пулемета
он свалил ладоней
в дни войны...
Опасная и страшная работа.
Не клаустрофобия,
со стороны.

Такое под силу лишь большому поэту. Не случайно Владимира Жюкова назвал «поэтом переднего края» его земляк и боевой друг Герой Социалистического Труда Михаил Дудин.

Большинство стихов и поэм В. Жюкова автобиографичны. «Моя биография сейчас работает на меня, на мое творчество», — неоднократно полусухо-полусерьезно ставляет он в разговор.

Нам было нелегко. Нам было горько по воем другом, надо идти до предела напряга и нерва, и все вымостить и все перестереть. Нет, мы не начинали в сорок — в тридцать девятом видеинженерном, — мы продолжали... смерть...

Это действительно было так. Владимир Жюков принял боевое крещение в войне на Карельском перешейке. Более того, за день до перехода в наступление Жюков получил тяжелое ранение, после чего попал в число «лебобилетников», то есть списанных навечно

из рядов армии. Но когда грянула Белаяк Отечественная, не захотел электик Ивановской мануфактуры, совмещавшей работу с учебной в жестком подлеституте, спрятаться за бронью. И в октябре 1942-го с маршевой ротой прибыл на Северо-Западный фронт, чтобы полностью забыть все тяготы раннего тратя пулеметчика. Он, не раз сморщивший смерти в глаза, имел потом полное право сказать историю и себе:

Не умаял ни радости,
ни горя —
ведь лопка — она как гвозди
в сапогах.

Или в стихотворении «Послевоенные 1945 год»:

Оступились войны
на других мочках...
Мертвые сползают
за живых.

Много уже лет минуло с той победной войны, но и сегодня она главная тема в творчестве Владимира Жюкова, пишущего о солдатском подвиге, а точнее, о цене подвига. Он справедливо утверждает: «Для солдатской славы мертвых нет» («Дорога мушкетера»).

Корни творчества Владимира Жюкова неразрывно связаны с его родным Ивановом. Живя постоянно в Москве, Владимир Семенович ведет большую общественную работу. Он бесменно вот уже на протяжении двадцати лет возглав-

ляет областную писательскую организацию. Жюков — депутат городского совета, неоднократно избирался членом Ивановского обкома партии.

Родина высоко оценила труд поэта, прибавив к его боевым наградам ордена мирного времени. А недавно за заслуги в развитии советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения Владимир Семенович Жюков награжден орденом Октябрьской Революции.

Н. ЛАЛАКИН

Иваново.

ОТЧЕГО МЫ ТАКИЕ РАЗНЫЕ?

Известная поэтесса обратилась к прозе. Причем, сразу скажем, к прозе весьма необычной. Взгляните о своих впечатлениях об Англии, где ей довелось прожить ряд лет. Сколько наша литература знает подобных опытов. Велик соблазн поделиться впечатлениями о непривычной для русского человека жизни. И всяк на свой лад делился — и классики и современники. Есть высокие примеры, но есть и уны, немало опытов неудачных. Все объясняется просто. Писательские впечатления тогда интересны, когда автор не только понял чужой народ и, конечно, представая его читателю но и тогда непременно, когда

Лариса Васильева в Альбионе и тайна времени. М., «Современник», 238 стр.

увидел он эту жизнь через свои национальный и патриотический опыт, прозна яная и понимаю законы своего общества. В противном случае плодятся безликие литературные опыты типа банальных туристических заметок.

С книгой Ларисы Васильевой дело обстоит совершенно иначе. Прозовщица автора идет живя в ней естественно, берет душу читателя и может быть определена примерно так: «Отчего мы такие разные? Мы — это два народа, два народа, два существующие разные социальных уклада. Разделенные не только территориально и политически, но самой историей, своим историческим народными живот своими законами. Жизнь каждого полна своеобразных черт и там нестремимое отличие.

Такому отлучка и попытка понять Лариса Васильева. Люди Альбиона, граждане Англии. Писательница всматривается в лица английские знакомых, пытается понять, чем они живут и как. Всмотривается и с удивлением и долей горечи свидетельствует, что сходства мало. Непривычно вспоминаются: детство, морозные зимы, семейные вечерники, сценки московской жизни, друзья и родные, но это так словно в памяти и так не похоже на весь прочно устроенный, рассчитанный

на ежедневное благополучие и равновесие английский мир.

Вся книга Ларисы Васильевой исполнена авторского стремления понять типичные, наиболее характерные черты облика Альбиона. Живое ощущение английской истории, приобретающее знакомства с твердынями стен замка Саттон, химерическими ливанами на стенах Кружной церкви таинлеров, с именами, хранящими давнюю память о ростве и противостоянии истории и Англии через дом Владимира Мономаха, в святости Иоанна Грозного и английской причесности этнографического очерка Дионама историчера о России.

История отразилась в характере англичан. Вот, слышам, художница Пегги Грант. Молодая, целеустремленная, активная, любящая физическую борьбу, придерживающаяся прогрессивных суждений, открыто критикует английский образ жизни и производит впечатление человека раскрепощенного, свободного от предрассудков. Однако в характере Грант таится кристаллический холод английского консерватизма.

Чем живут англичане? Может, быт, сформировавшийся традиционный английский быт создает особые характер? Может, он причина национального своеобразия?

Без разный. Магазины, пабы, автоматы, ливаны обеды, светские траты, моды... Конечно, все непохоже на привычное, домашнее, но, кажется, и здесь нет никаких отечей. Быт, скорее, происходит из особенностей национального характера, дополняет его, но

никоим образом не складывает. Да, трудно представить единый облик Альбиона! Облик представлять трудно, но образ постепенно формируется. Сложный, многомерный и точный образ нации, культуры и человека. Редкая достоверность обращения к читателю, отсутствие писательского аллопаба и прикрасного, неравнодушное сравнение своего с «чужими» помогают созданию этого образа.

И все же в чем тайна Альбиона и загадка времени? На эту писательница отвечает с определенной непосредственностью:

«К чему... эта тайна? Но все ли известно человеку. И правы те, кто говорит, что нет ее вовсе и быть не может, а есть жизнь...»

Лариса Васильева не приняла объяснение, данное в письме-завершении «тишечного патриота» мистера Вильямса, что все дело в мистической несомности двух великих народов, в том, что народ России молодой, тогда как народ Англии дряхлеет год от года.

Не приняла потому, что она увидела туманный Альбион глазами человека, преданного Родине, любящего и помнящего все, что связывает с ней. Увидела мир глазами патриота.

Сергей ЛЬКОШИН

Он не лютует, а спутники жаждат в небе
Политехнику в Киеве, гидропланы в Одессе,
Коридоры столичного МВТУ —
Это все являлось лестницами в даль звездных,
Где люба ступень приближала мечту...

Как не вспомнить далекие дни в Коктебеле,
Где сражались за лавры планеристы страны,
Где над вспененным морем летали и пели
И скандовали с криком и со слезами!
Этой стоей крылатой время леток гордится:
Тихоновых, Жемчужину, Людини и Толстыя!

На планеры их — «Гриф», «Амазон» и
«Жар-птица» —
В страхе чайки глядели с прибрежной морских,
Чуть застенчивый, удумчивый и молчаливый,
О мечтах и победах вздохнул не трубя,
Был среди них Королев с ресничками

Что ручьи и притоки вбирает в себя...
Полночником тьмо, по-яшчички усталый,
Заглядываешь, как звезды нижу жемчуг
Забирал Сергей на орлиные скалы
С неключивым, как сам он, закадишным

Сотни сложившим проблем перебора
в разговоре,
Друг спросил Королева: — Зачем ты мудрый
Дал чего ты, Сергей, на пластинном планере
Планировать данглетеля громогудящий?

Утонувши глазами в космической шири,
Королев отозвался, как будто не в тон:
— Спешимского загадок еще не решил
Ни Коперник, ни Кеплер, ни Шварцшильд!
Почему луч от Марса такой красноватый?
Почему нам Венера из-за туч не видна?
По какому расчету — точно динс

Лишь одной стороной люда свет Луна!
Друг сказал, по плечу Королева похлопав:
— Ты в чужие проблемы не путайся, брат,
Вся премудрость старца в очках телескопов
Эти тайны без нас как-нибудь разрешат.

— Нет, нам надо победить суметь
подобраться
К западным орбитам далеких планет,
И похлеще солнечных протуберанцев!
К колдовскому полету хвостатых комет!
Как бы ни было много Звемли притяженья,
Но оно, несомненно, имеет предел,
Значит, нужно, чтоб «искорытка»

Смелый разум конструкторов завладеет!
И сам авиатор. Независа на это,
Уверядно: лишь взлет реактивных ракет
Принорвет для нас вековые секреты
Мировой инженерии звезд и планет.
Сразу станет реальностью замысел дерзкий —
Испытать, сколь догадка фантастов права:
Верно ли шел Циолковский? Не ошибся ли

Есть ли в космосе мыслящие существа?..
Пораженный той речью, улыбался приятель,
Слушая так, словно в опере твоем поет.
А потом заключил: — Ну, Сергей,
Настоящий Жюль Верн, а не просто пилют!..

НАХАВНИНСКИЙ ЛЕС

В ту эпоху пилоты входили в героин!
Он был тоже пилот! Так чего же еще!
Вся страна за крылатые стала гороно
И гордилась и славилась их горчачи.
А притом еще Туполов, строгий учитель,
Предвещал ему самую видную роль...
«Это будет большой самолетостроитель,
Он не зря Королев! Он и авиаряду — «король»!
Только сам он был витязь космической эры!
Всё забываю даль, он повернул дерзнул,
И ушел от заманчивой легкой стези,
От переклещив крылья в сторону шагнул...
Крутобокий мечтатель, а полнинной рубаше,
Он, к себе принагичивая страннй народ —
Фантазера с сердцатым взмахом отаги,
Что «на ветер транжирил» весь свой доход.
Вот уже он конструктор. А после...
Что после?..
К тем работам «сегодня большой интерес»...

А когда-то об их «недоказанной пользе»
Дого помнил и знал лишь Нахавнинский лес.
Дог чащобного млого, часто прабранный...
Собрал Королев свой шумливыя алтин...
Остроконвым плетеном вьвис, тинулса ракете,
И тревожилась «гордолице, дуг эте,
Как поверит глазам, что становится былюю
Самых гордых удох вековая мечта,
Что вот эту «тубуру» — без винта и без

Кок конфетку, покороно строгит высоты!
Опираяс на острое, зыбкое пламя,
Вдур на миг оживала тамежая сталь,
И тревожилась «гордолице, дуг эте,
И рева, уносилса в туманную даль.
Рокотало над чащей пулигово эхо
И смолкало, случайную тайну храня,
Что вот тех вничью трудов заповедной века
Не открывался до сроке, до нужного дня.

Но уже кое-где расплывались чиниши:
Дескаты, пользы не будет от этих затей!
«Безнадзорное дело!» — «Густые бакуши»!
«Озорная забава несерьезных людеи»!
Ни Королев не даря ни наград, ни признаний,
Те ракетные вспышки в дремучей глуши
Отзывались лишь бурной волной ликования
В бескорыстных мечтах чистого светлого души.

Зарел мечтатели спорили смело и крупно!
Жарь бойких идей полихал разговор!
Им казалось, что завтра уж станет доступной
Столовая дорога а замесечный пустыя!
Эти пылые грезы космических странствий
Королев отужал строгим ритмом труда:
— Тем, кто только мечтает о межзвездном
Полете, не надо входить в реактивные

В реактивный полет не попасть никогда!
В полутемном подвале московского ГИРДа
Командир Королев звал железный режим:
«В бескорыстных мечтах чистого светлого души,
Зарел мечтатели спорили смело и крупно!
Жарь бойких идей полихал разговор!
Им казалось, что завтра уж станет доступной
Столовая дорога а замесечный пустыя!
Эти пылые грезы космических странствий
Королев отужал строгим ритмом труда:
— Тем, кто только мечтает о межзвездном
Полете, не надо входить в реактивные

Прозанским «апрятником» и «сухарем»!
Командир Королев звал железный режим:
«В бескорыстных мечтах чистого светлого души,
Зарел мечтатели спорили смело и крупно!
Жарь бойких идей полихал разговор!
Им казалось, что завтра уж станет доступной
Столовая дорога а замесечный пустыя!
Эти пылые грезы космических странствий
Королев отужал строгим ритмом труда:
— Тем, кто только мечтает о межзвездном
Полете, не надо входить в реактивные

Мечта и дело
Ну, так что же он был: теоретик
Увлеченный романтик или гений труда?
Лично на тем или другие, колк прятать!
... по правде,
Не вошла б над Землей новой эры звезда!
Мир давно переполнен туманом «утопии»,
Перетружен учеными аноние людеи.
Безнадзорное время безжалостно топит:
Паруса эти призрачных кораблей.

Сколько подобных «фантастов» и ныне известно:
Полукруг, потрогивая, полонитуд бумаж,
А ваченное дело, как и прежде, ни с мста,
Только пыль пред глазами, только гомон
в ушах.
Но и среди мастеров — без таланта
Что шагают вслепую, немного дано!
Лишь тому, а ком спавился мечта и умение,
Двери в новую эру открыть суждено.

Если б оплот научный трудом не соперник!
Теоретик Миуриун был и сам садовод.
А вынашивая в созвездья великий Коперник
Создавал во Фромборке водопровод,
Предвещавший мечтатель, фантазер Циолковский,
Предвещавший, что «верия покидет»
Своим подобным «фантастов» и ныне известно:
Полукруг, потрогивая, полонитуд бумаж,
А ваченное дело, как и прежде, ни с мста,
Только пыль пред глазами, только гомон
в ушах.

Своим подобным «фантастов» и ныне известно:
Полукруг, потрогивая, полонитуд бумаж,
А ваченное дело, как и прежде, ни с мста,
Только пыль пред глазами, только гомон
в ушах.

Своим подобным «фантастов» и ныне известно:
Полукруг, потрогивая, полонитуд бумаж,
А ваченное дело, как и прежде, ни с мста,
Только пыль пред глазами, только гомон
в ушах.

Своим подобным «фантастов» и ныне известно:
Полукруг, потрогивая, полонитуд бумаж,
А ваченное дело, как и прежде, ни с мста,
Только пыль пред глазами, только гомон
в ушах.

Своим подобным «фантастов» и ныне известно:
Полукруг, потрогивая, полонитуд бумаж,
А ваченное дело, как и прежде, ни с мста,
Только пыль пред глазами, только гомон
в ушах.

Обернувшись гремучей лавиной «эроз-эоз»,
Заслонившись Отгнину гордых стеной!
Этэ задорныи «гордолице» дерзкие усилки
Потнувалищ дощечки высокие орбит:
Загребали басы Боевых эскадриль,
Что лихие пилоты вьветнуши в зенит.
Где он! Что! Что! Что! Что! Что! Что! Что! Что! Что!
А кругом уж не только Нахавнинский лес —
Всю страну рокотаньем громов оглашали
Реактивные лайнеры, гости небес.

А их главный пророк, в телегрозиче митой,
Обьявлялся отдувачом, бжеден и змуд...
И — как с перовой ракетой возился когда-то —
Строил в пыльной степи космодром Байконур.
Каждый помнит Билуну: как тягой земною
Был раздвоен и свит Байконур Савитого!
Но опять, но опять с темной силой шальною
Человек затежал неуступный спор!
Что миражем мерещности Савитсу с Уэллсом,
Что Жюль Верн очкам завлачил, как сон,
Королев отужал по грохочущим рельсам,
Вполнощав а алюминий и железобетон.
Неполадки. Заторми. Промашки. Прочсчета.
Надо все одолеть, про удох не трубай!
Так и следует жить: чобы горы работы
До конце, до предела вьзвуть на себя!
Ветер знойных пустынь тербел ему ворот.
Обсидала лишь расклевывающая гавань,
Королев, как прораб, строил скачловый город,
Запускающий «звездаты в туманную даль.
И уже не виденны мечты дерзновенной,
Как люкватый наброском чертешных левак,
Королев вьвыстал — как транзитный, вокзал —

На путях соображения со Вселенной,
Вспомнина праздник начала Космической эры!..
Каждый был мимеником, если он смог
Увидать, как, превьсив земные пределы,
Мчат в холодном пространстве знойные огоньки.
А потом на вьстретаты в динс счастья тачеи,
Словно сбьиса зветный прекраснейший миф!
Как весь мир был за это ему благодарен,
Ничего не забуду, доколе я жив.
Киноталет Москва, все в цветах и знаменях.
Речь, лозунги, песни, улы, праздничный вид.
И счастливые лица светелися в колоннах,
И казалось, заблужденный космос звенит!
Не желал бы вьстретаты в динс счастья тачеи,
Критиканов, врадеи, отступивших по тучу,
Что в былые года, не признав Королева,
Клеветали, врадеи, мешали ему!
В эти динс нам аще флага рукописаний!
В эти динс аще народы стали выше навеки!
И не смерти ничем, на каком пьестале
Оказался советский трудовой человек!
Даже айберг Америки — с теснотой,
С затонувшим подпольем людской нескребы,
Не пытаясь скрывать удивление и робость,
Слушая звон наших гимнов, что гремел
с высоты.

Сразу понял весь мир: не сравнить,
не числится,
Сколь страна наша стала мудрей и сильней!
И таково большого подвоя Отчизны.
Мы не знали с победных салютных огней
Все мечты стали явью! Даже мимика —
Больше в мире прегарды уж нет никуда!
Вот и первые пригоршни лунного грунта
Мы достали сверху великанской рукой.
Все упорнее шло спутник космос антенной,
Светлячки наших службников в небе сияют,
Будет несть железо, лозьтатки, нескребы,
Над Отчизной дозорную службу несут.
Продуряя сквозь тайны могучую трасу,
Объявляя пути в межпланетной ночи,
Мчатся наши посланцы Венере и Марсу
И к клинотому Солнцу подбирают клонцы.
А как много чудес мир в грядущем увидит!
Сколько сил человечеству будут служить!
Будет несть железо, лозьтатки, нескребы,
И по кольцам Сатурна будут песни кружить!
Среди тех, кто принес нам эту гордость
и славу,
В ярком списке ученых и мастеров,
В пруть асгеда
самым первым
будет назван по праву
Гениальный конструктор Сергей Королев!

НА ОБВИТЕ
Вспомнина праздник начала Космической эры!..
Каждый был мимеником, если он смог
Увидать, как, превьсив земные пределы,
Мчат в холодном пространстве знойные огоньки.
А потом на вьстретаты в динс счастья тачеи,
Словно сбьиса зветный прекраснейший миф!
Как весь мир был за это ему благодарен,
Ничего не забуду, доколе я жив.
Киноталет Москва, все в цветах и знаменях.
Речь, лозунги, песни, улы, праздничный вид.
И счастливые лица светелися в колоннах,
И казалось, заблужденный космос звенит!
Не желал бы вьстретаты в динс счастья тачеи,
Критиканов, врадеи, отступивших по тучу,
Что в былые года, не признав Королева,
Клеветали, врадеи, мешали ему!
В эти динс нам аще флага рукописаний!
В эти динс аще народы стали выше навеки!
И не смерти ничем, на каком пьестале
Оказался советский трудовой человек!
Даже айберг Америки — с теснотой,
С затонувшим подпольем людской нескребы,
Не пытаясь скрывать удивление и робость,
Слушая звон наших гимнов, что гремел
с высоты.

Сразу понял весь мир: не сравнить,
не числится,
Сколь страна наша стала мудрей и сильней!
И таково большого подвоя Отчизны.
Мы не знали с победных салютных огней
Все мечты стали явью! Даже мимика —
Больше в мире прегарды уж нет никуда!
Вот и первые пригоршни лунного грунта
Мы достали сверху великанской рукой.
Все упорнее шло спутник космос антенной,
Светлячки наших службников в небе сияют,
Будет несть железо, лозьтатки, нескребы,
Над Отчизной дозорную службу несут.
Продуряя сквозь тайны могучую трасу,
Объявляя пути в межпланетной ночи,
Мчатся наши посланцы Венере и Марсу
И к клинотому Солнцу подбирают клонцы.
А как много чудес мир в грядущем увидит!
Сколько сил человечеству будут служить!
Будет несть железо, лозьтатки, нескребы,
И по кольцам Сатурна будут песни кружить!
Среди тех, кто принес нам эту гордость
и славу,
В ярком списке ученых и мастеров,
В пруть асгеда
самым первым
будет назван по праву
Гениальный конструктор Сергей Королев!

Сразу понял весь мир: не сравнить,
не числится,
Сколь страна наша стала мудрей и сильней!
И таково большого подвоя Отчизны.
Мы не знали с победных салютных огней
Все мечты стали явью! Даже мимика —
Больше в мире прегарды уж нет никуда!
Вот и первые пригоршни лунного грунта
Мы достали сверху великанской рукой.
Все упорнее шло спутник космос антенной,
Светлячки наших службников в небе сияют,
Будет несть железо, лозьтатки, нескребы,
Над Отчизной дозорную службу несут.
Продуряя сквозь тайны могучую трасу,
Объявляя пути в межпланетной ночи,
Мчатся наши посланцы Венере и Марсу
И к клинотому Солнцу подбирают клонцы.
А как много чудес мир в грядущем увидит!
Сколько сил человечеству будут служить!
Будет несть железо, лозьтатки, нескребы,
И по кольцам Сатурна будут песни кружить!
Среди тех, кто принес нам эту гордость
и славу,
В ярком списке ученых и мастеров,
В пруть асгеда
самым первым
будет назван по праву
Гениальный конструктор Сергей Королев!

Сразу понял весь мир: не сравнить,
не числится,
Сколь страна наша стала мудрей и сильней!
И таково большого подвоя Отчизны.
Мы не знали с победных салютных огней
Все мечты стали явью! Даже мимика —
Больше в мире прегарды уж нет никуда!
Вот и первые пригоршни лунного грунта
Мы достали сверху великанской рукой.
Все упорнее шло спутник космос антенной,
Светлячки наших службников в небе сияют,
Будет несть железо, лозьтатки, нескребы,
Над Отчизной дозорную службу несут.
Продуряя сквозь тайны могучую трасу,
Объявляя пути в межпланетной ночи,
Мчатся наши посланцы Венере и Марсу
И к клинотому Солнцу подбирают клонцы.
А как много чудес мир в грядущем увидит!
Сколько сил человечеству будут служить!
Будет несть железо, лозьтатки, нескребы,
И по кольцам Сатурна будут песни кружить!
Среди тех, кто принес нам эту гордость
и славу,
В ярком списке ученых и мастеров,
В пруть асгеда
самым первым
будет назван по праву
Гениальный конструктор Сергей Королев!

Сразу понял весь мир: не сравнить,
не числится,
Сколь страна наша стала мудрей и сильней!
И таково большого подвоя Отчизны.
Мы не знали с победных салютных огней
Все мечты стали явью! Даже мимика —
Больше в мире прегарды уж нет никуда!
Вот и первые пригоршни лунного грунта
Мы достали сверху великанской рукой.
Все упорнее шло спутник космос антенной,
Светлячки наших службников в небе сияют,
Будет несть железо, лозьтатки, нескребы,
Над Отчизной дозорную службу несут.
Продуряя сквозь тайны могучую трасу,
Объявляя пути в межпланетной ночи,
Мчатся наши посланцы Венере и Марсу
И к клинотому Солнцу подбирают клонцы.
А как много чудес мир в грядущем увидит!
Сколько сил человечеству будут служить!
Будет несть железо, лозьтатки, нескребы,
И по кольцам Сатурна будут песни кружить!
Среди тех, кто принес нам эту гордость
и славу,
В ярком списке ученых и мастеров,
В пруть асгеда
самым первым
будет назван по праву
Гениальный конструктор Сергей Королев!

Сразу понял весь мир: не сравнить,
не числится,
Сколь страна наша стала мудрей и сильней!
И таково большого подвоя Отчизны.
Мы не знали с победных салютных огней
Все мечты стали явью! Даже мимика —
Больше в мире прегарды уж нет никуда!
Вот и первые пригоршни лунного грунта
Мы достали сверху великанской рукой.
Все упорнее шло спутник космос антенной,
Светлячки наших службников в небе сияют,
Будет несть железо, лозьтатки, нескребы,
Над Отчизной дозорную службу несут.
Продуряя сквозь тайны могучую трасу,
Объявляя пути в межпланетной ночи,
Мчатся наши посланцы Венере и Марсу
И к клинотому Солнцу подбирают клонцы.
А как много чудес мир в грядущем увидит!
Сколько сил человечеству будут служить!
Будет несть железо, лозьтатки, нескребы,
И по кольцам Сатурна будут песни кружить!
Среди тех, кто принес нам эту гордость
и славу,
В ярком списке ученых и мастеров,
В пруть асгеда
самым первым
будет назван по праву
Гениальный конструктор Сергей Королев!

Сразу понял весь мир: не сравнить,
не числится,
Сколь страна наша стала мудрей и сильней!
И таково большого подвоя Отчизны.
Мы не знали с победных салютных огней
Все мечты стали явью! Даже мимика —
Больше в мире прегарды уж нет никуда!
Вот и первые пригоршни лунного грунта
Мы достали сверху великанской рукой.
Все упорнее шло спутник космос антенной,
Светлячки наших службников в небе сияют,
Будет несть железо, лозьтатки, нескребы,
Над Отчизной дозорную службу несут.
Продуряя сквозь тайны могучую трасу,
Объявляя пути в межпланетной ночи,
Мчатся наши посланцы Венере и Марсу
И к клинотому Солнцу подбирают клонцы.
А как много чудес мир в грядущем увидит!
Сколько сил человечеству будут служить!
Будет несть железо, лозьтатки, нескребы,
И по кольцам Сатурна будут песни кружить!
Среди тех, кто принес нам эту гордость
и славу,
В ярком списке ученых и мастеров,
В пруть асгеда
самым первым
будет назван по праву
Гениальный конструктор Сергей Королев!

Сразу понял весь мир: не сравнить,
не числится,
Сколь страна наша стала мудрей и сильней!
И таково большого подвоя Отчизны.
Мы не знали с победных салютных огней
Все мечты стали явью! Даже мимика —
Больше в мире прегарды уж нет никуда!
Вот и первые пригоршни лунного грунта
Мы достали сверху великанской рукой.
Все упорнее шло спутник космос антенной,
Светлячки наших службников в небе сияют,
Будет несть железо, лозьтатки, нескребы,
Над Отчизной дозорную службу несут.
Продуряя сквозь тайны могучую трасу,
Объявляя пути в межпланетной ночи,
Мчатся наши посланцы Венере и Марсу
И к клинотому Солнцу подбирают клонцы.
А как много чудес мир в грядущем увидит!
Сколько сил человечеству будут служить!
Будет несть железо, лозьтатки, нескребы,
И по кольцам Сатурна будут песни кружить!
Среди тех, кто принес нам эту гордость
и славу,
В ярком списке ученых и мастеров,
В пруть асгеда
самым первым
будет назван по праву
Гениальный конструктор Сергей Королев!

Сразу понял весь мир: не сравнить,
не числится,
Сколь страна наша стала мудрей и сильней!
И таково большого подвоя Отчизны.
Мы не знали с победных салютных огней
Все мечты стали явью! Даже мимика —
Больше в мире прегарды уж нет никуда!
Вот и первые пригоршни лунного грунта
Мы достали сверху великанской рукой.
Все упорнее шло спутник космос антенной,
Светлячки наших службников в небе сияют,
Будет несть железо, лозьтатки, нескребы,
Над Отчизной дозорную службу несут.
Продуряя сквозь тайны могучую трасу,
Объявляя пути в межпланетной ночи,
Мчатся наши посланцы Венере и Марсу
И к клинотому Солнцу подбирают клонцы.
А как много чудес мир в грядущем увидит!
Сколько сил человечеству будут служить!
Будет несть железо, лозьтатки, нескребы,
И по кольцам Сатурна будут песни кружить!
Среди тех, кто принес нам эту гордость
и славу,
В ярком списке ученых и мастеров,
В пруть асгеда
самым первым
будет назван по праву
Гениальный конструктор Сергей Королев!

Самая забавная

Зеский поцелуй прямо в нос запечатлел своему хозяину лас Люлим — победителю конкурса на титул «самой забавной собаки», состоявшегося в Витентуре (Швейцария). Этим букам проявлением радости он окончателю покорила зрителя.

Необычные усы

«Чтобы носить такие усы — 1,5 метра длиной — нужно потратить не менее двух часов в день для ухода за ними», — говорит их обладатель Карна Рамдин из города Джамсилер в Индии.

ЭСТАФЕТА

встречи олимпийского огня — спортивные соревнования, массовые гуляния, конкурсы, концерты.

Информация для москвичей: к столице эстафета подойдет 18 июля по Симферопольскому шоссе, свернет на кольцевую магистраль и по Можайскому шоссе, проспектам Кузьковскому, Калининскому выйдет на площадь 50-летия Октября. Отсюда после церемонии встречи огня будет доставлен в здание Моссовета, где и будет храниться до следующего дня — дня открытия Олимпиады. Факелы, зажженные от олимпийского огня, в ночь на 19 июля отправятся в специальных железнодорожных вагонах в Ленинград, Киев, Таллин и Минск. Кто внесет огонь на главную олимпийскую арену, стадион имени Ленина в Луизиане, пока секрет. Это будет сюрпризом Оргкомитета Олимпиады-80 для ее участников и гостей.

Идет подготовка к эстафете. Японская корпорация «Мицубиси» поставила формы для бегунов. На заводе в Горьком, Рязе, Львова снаряжаются специальный транспорт для группы сопровождающих. Готовится к отправке в национальные олимпийские комитеты первая партия факелов, изготовленных по проекту ленинградских инженеров.

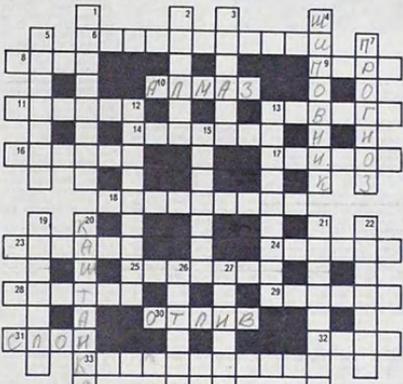
Факел я держал в руках. Изящный конус из серебристого металла и пластика весит 900 граммов. В рукоятку вставляется капсула с газом, легкий поворот тумблера — и газ подается к горелке. Она сконструирована так, что огонь не гаснет под самым сильным дождем — испытания проводились... под душем.

Совсем скоро двинется в путь вечный огонь Олимпиады.

Б. ЛАБУТИН

По горизонтали: 6. Род оперной или балетной увертюры. 8. Одно из пяти внешних чувств. 9. Советский ученый в области радиотехники, академик. 10. Искусственный драгоценный камень. 11. Специальность исследующей месторождения полезных ископаемых. 13. Роман Э. Золя. 14. Композитор, автор оперы «Вильгельм Тель». 16. Советские стикаторные строй. 17. Фотография. 18. Международное совещание духовной интеллигенции. 23. Балет Ф. Ируллима. 24. Узбекский и таджикский педагог XVIII века. 28. Часть зрительного зала в театре. 29. Хлебный знак. 30. Периодическое понижение уровня моря. 31. Шахматная фигура. 32. Порт на Азовском море. 33. Аргумент для автоматического поддержания определенной температуры, влажности, чистоты воздуха в помещении.

По вертикали: 1. Советский поэт, баснописец. 2. Один из героев трилогии А. Дюма. 3. Таджикский и персидский поэт. 4. Декоративный старинный семейный розовый. 5. Нефтепромышленный центр в Румынии. 7. Прессование хлопка. 12. Прибор для измерения упругости силы тяжести. 13. Обсуждение определенной проблемы, спор. 15. Транспортное средство для перевозки по воздуху. 19. Кухонная переносная плита, обитающая на болотах. 20. Рассказ А. П. Чехова. 21. Первый предельно чистый металл, полученный при перовой печи. 22. Музыкант. 28. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». 27. Химический элемент, металл.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 15

По горизонтали: 2. Багряный. 6. Пломба. 8. Ракета. 10. Крапивообразование. 11. Мелкос. 12. Палитра. 15. Ковтор. 16. Ярком. 18. Давер. 19. «Новоалев». 19. Руфна. 21. Лирик. 24. Деление. 25. «Арктика». 28. Братер. 31. Алюминиемент. 32. Фалгон. 33. Тербий. 34. Дальномер.

По вертикали: 1. Плате. 2. Валас. 3. Лисциан. 4. Кривка. 5. Штотор. 7. «Масмичам». 8. Ковришка. 11. Маргарита. 12. Адромеда. 13. Профсоюз. 14. Астралька. 20. Контракт. 22. Иматор. 23. Дематин. 26. Руслан. 27. Кюндж. 29. Реестр. 30. «Родина».

На первой странице обложки:

А. Соколов, «Салют», ОТДЕЛЕНИЕ АНТЕННЫ. На последней странице обложки: Ученица Семицкой школы Анжела Романоская, * Хореографическая школа «На молочной ферме». * В торговом центре молхоза имени Гастелло. * Вечером у дворца культуры. * На сцене — национальный ансамбль «Заноза». * Преподаватель музыкальной школы А. Пархинович, * Д. Согула — студентка музыкального училища «Композиторский класс школы». (См. в номере материал «Наши радости и беды».)

Фото М. Савина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
 Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЬСОЦКИЙ [заместитель главного редактора], И. В. ДОЛГОПОВ [главный художник], Д. К. ИВАНОВ [ответственный секретарь], Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ [заместитель главного редактора], Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бульварный проезд, 14.
 Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Редакционная и новостей — 250-36-88; Международный — 212-30-03; Социально-политический — 250-24-21; Искусство — 250-40-08; Литературный — 212-83-89; Военно-патриотический — 250-15-33; Наука и техника — 212-21-68; Юмор — 212-14-07; Спорт — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Прием — 212-22-66; Литературный прижизненный — 212-22-13.

Сдано в набор 24.03.80. Подписано и печатно 04.04. А 00450. Формат 70 x 108/8. Тиражная печать. Усл. печ. лист. 7,00. Уч. изд. 11,55. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 763. Заказ № 8120.

Орден Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правда», 24.

КРОССВОРД

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

Безрук посреди зала Московского Камерного музыкального театра не убивают; и подлинный ремиссерский приемки публики прива. Не удивляет, что действующие лица впервые появляются не перед лицом зрителя, а у него за спиной и проходят по центральному проходу меж кресел на сцену, где и будет разгравляться действие оперы «Луна и детенки» (по мотивам повести Вала Пилатова), сочиненной молодым ленинградским композитором А. Журбиным и поставленной народным артистом СССР Б. А. Покрысовым. И все-таки поначалу тебе, зрителю, что-то вроде бы смущает. Скорее всего это недоверие или даже предубеждение, потому что деревенский детеныш Анискина, поющий оперные арии, заранее может, пожалуй, вызвать некую скептическую улыбку. Но она исчезает с первыми же звуками музыки, при первой же встрече с оперным вариантом Анискина — давно полюбившего героя В. Пилатова, деревенского мыслителя, которого уже сыграл в кино И. И. Жаров.

Оперный вариант совершенно неожиданно оказался таким естественным и жизненным, таким впечатлительным и убедительным, что сразу вызывает зрительское восхищение.

В роли Федора Ивановича Анискина талантливый певец И. Парамонов завоевывает право на существование своего героя не какими-то особыми актерскими приемами, а более всего душевностью, глубокой искренностью исполнения, проникновением в характер. Вспоминать хорошо всем знакомого по экрану Анискина — Жарова и сравнивать этих двух «детенышей», мы находим в них прежде всего общие черты — это ненавязчивая, органическая НАРОДНОСТЬ. Конечно, Анискин И. Парамонов, как и положено оперному герою, пожалуй, более поэтичен: артист почти не акцентирует детенышеские способности своего Анискина; да ведь и опера, впрочем, тоже не столько об украденном аккордеоне, сколько о жизни людей русских на этом дином берегу Оби. Они словно и не могут быть злыми, потому что дружны,

славны и живут среди такой красоты, а деревенский инстинкт, созданные Н. Хреновым, опыта-таки убеждают в этом.

Но, конечно же, все, как случается. Попадая и здесь, кто дисконкрет с окружающим миром, вызывает недоумение, а то и резкий коммент. В опере это братья Паньковы, Володяна и Семен, в исполнении В. Белья и А. Подольского. Но опера, конечно, о них! Они просто повод для знакомства с другими персонажами, для которых композитор находит всегда особые, выразительные краски. Так, образ Верки Иосиф пророчески и музыкально мерной, бесконечной в ноту; зато партией Евадими Прончиной ириична, обстоятельства, напуска. Детской непосредственностью отгадывается характер Витальки...

Вириния человеческих характеров прокладывает перед нами, и каждый из них и выплывает точно и удивительно близок и жанру, стилистике Вала Пилатова.

Рассудительность и ум Анискина, любовь и своей любви, выразительны, зарезательны. Слышая его, мы забываем, что находимся в тесном контакт с музыкой; как там же, как там герою, хочется вдокнуть полной грудью свежий речной ветер, почувствовать его на своем лице... Сцена аккордеона на ночной Оби Анискина и Праздничного — незадачного директора клуба, у которого братья Паньковы украли аккордеон, — пожалуй, одна из самых удачных в опере.

Поэтическая и вместе реальная атмосфера спектакля делает восприятие происходящего близким, доступным зрителю, ощущает себя в этом маленьком зале как бы действующим лицом.

В театре Б. А. Покрыского, думаю, сохраняется дух ступидности. Видно, что сами артисты сильно увлечены тем, что делают; спектакль идет на большое эмоциональное подъем, равнодушных здесь не встретишь.

Образ современника, как и самой современности, стремительно вырывается на оперную сцену. Потому, наверное, спектакли музыкального театра идут с ажиотажем.

Художественный руководитель театра народный артист СССР Б. А. Покрысовый говорит:

Над современностью в опере всегда смеялись. Не верим в возможность ее творческого воплощения. Кажется, мы победили это предубеждение. Мы надеемся, что спектакль принесет зрителям радость, узнавания нашей сегодняшней жизни, ее людей.

Создавая силу воздействия своего искусства, коллиевты находятся в беспрепятственном поиске. Ищут не только новые приемы в актерском, ремиссерском, сценарном искусстве, но и авторов. Удачный результат этого поиска — премьера «Луна и детенки». Она написана Александром Журбиным совместно с драматургом Ю. Дмитриевым специально по заказу театра. Кстати сказать, авторы необычайно четко, ясно и сокращенно в либретто не только ставят, но и язык первоисточника.

Театр Покрыского давно вышел за рамки эксперимента: его место в искусстве завоевано прочно. Очень хорошо, что театр этот «начинается», как и положено в искусстве, с вечера, а «продолжается» в фойе, с любовью оформленным манитам денорации, кулакам, рисунками детей... Во всем этом тоже чувствуется любовь коллиевты и своему Камерному, да и зрителю дает возможность сразу ощутить творческую атмосферу театра, какой бы опера ни шла на сцене. А репертуар Камерного обширен и разнообразен. На эфире «Директор театра» Моцарта, «Нос» Штокмановича, «Не только любовь» Шедрина... Интересы театра широким. Забытые оперы, попадали на эдешнюю сцену, свежее.

А. ЗВЯГИНА

Идет спектакль.

ОПЕРА — АНИ

Опера А. Журбина «Луна и детенки». Анискин — И. Парамонов и Праздничного — Б. Дружинин.

Финал оперы А. Холмникова «Колыска».

15-

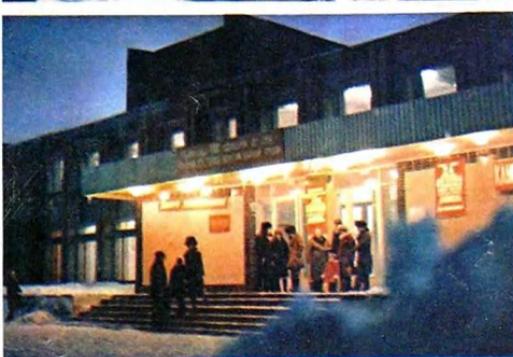
СКИН И ДРУГИЕ

Художественный руководитель театра — народный артист СССР
Б. А. Покровский.

Комическая опера И. Гайдна «Аптекарь».

ISSN 0134-0097

Мелка Нолдос 33.көл

Мәктәбе 70663